

Фриц Зимон

Под
нелегальной
кличкой
М

1755

ФРИЦ ЗИМОН

Под
нелегальной
кличкой
М

Из пережитого
во времена фашизма

Сокращенный перевод с немецкого
М. Кияткина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1964

FRITZ SIEMON

DECKNAME M

Aus meinen Erlebnissen
in der Zeit
des 'Faschismus

1961

MITTELDEUTSCHER VERLAG
HALLE (SAALE)

Автор этой книги не писатель и не журналист. Она написана лейпцигским рабочим-коммунистом, бывшим депутатом рейхстага, активно участвовавшим в подпольной работе КПГ, а затем арестованным гестапо. Двенадцать лет Фриц Симон провел в фашистских тюрьмах и лагерях. В своей книге он простым, правдивым языком рисует картину нелегальной борьбы лейпцигской организации Коммунистической партии Германии, рассказывает о преследованиях и пытках, которым подвергались антифашисты в гитлеровских застенках. Десятки тысяч коммунистов, сотни тысяч узников погибли в концлагерях от рук нацистских палачей. Но и, будучи в заключении, коммунисты и другие участники движения Сопротивления вели мужественную и неустанную борьбу против гитлеризма.

Книга написана в ответ на призыв ЦК Социалистической единой партии Германии к представителям старшего поколения рабочих — взяться за перо и поделиться с молодежью своим жизненным опытом, рассказать о том, что они пережили в мрачный период третьего рейха.

Глава первая

Это было в марте 1933 года, недели через две после того, как черные клубы дыма от горящего рейхстага заволокли февральское небо. Наша коммунистическая ячейка на чугунно-сталеплавильном и машиностроительном заводе в Лейпциг-Лейч фирмы «Макс Ян» собралась на чрезвычайное собрание. Мы уже были вынуждены работать нелегально. Ежедневно банды штурмовиков и эсэсовцев, поддерживаемые полицией, производили налеты и громили рабочие клубы и дома профсоюзов, арестовывали, пытали и часто убивали функционеров¹ и членов рабочих организаций. Каждый, чья преданность делу рабочего класса была известна нацистам, считался кандидатом в смертники или на длительное тюремное заключение. И тем не менее на это собрание, которое должно было решить важнейшие боевые вопросы, явилось двадцать три товарища. Двадцать три: формовщики, стерженщики, литейщики, слесари, чистильщики и обрубщики литья, вспомогательные рабочие, двадцать три молодых и пожилых человека.

Мы собрались в том месте, где уже неоднократно совещались, когда надо было предотвратить мошенничество дирекции завода или принять какое-либо другое срочное решение. Чтобы добраться до этого маленького, слабо освещенного лампочкой помеще-

¹ Активистов. (Здесь и дальше примечания переводчика.)

ния без окон, мы должны были проскользнуть между сараями и складами формовочного песка на заднюю часть двора, перелезть через старые опои и сваленные для ремонта литейные ковши и, наконец, подняться по отвесной железной лестнице. Сбравшиеся коротко поздоровались друг с другом. В связи с предстоящей борьбой большинство из нас, вероятно, подумало о достигнутых в прошлом успехах: наша партийная ячейка уже не раз показала себя как ведущая сила в борьбе рабочих против любых каверз владельцев завода. Разве она, несмотря на запугивания нацистов, не пользовалась и сегодня доверием рабочих? Да, она и теперь пользовалась им. Эта уверенность отражалась на лицах всех присутствующих.

После того как все заняли места за столом, я, как председатель производственного совета и руководитель партийной ячейки, взял слово.

— Дорогие товарищи! Наша партия, боевая решимость которой не сломлена террором, оценивает положение как очень серьезное. Нацисты стремятся уничтожить последние остатки демократических свобод нашего народа и пытаются при помощи клеветы и демагогии посеять в массах страх и смятение. Они хотят помешать тому, чтобы возникший в обстановке террора крепнувший единый фронт рабочего класса поднялся под руководством нашей партии и смел с лица земли кровавый режим нацистов. Мы не должны допустить, чтобы лучшие сыны рабочего класса погибли в фашистских застенках. Мы должны действовать, пока еще не поздно! Всеобщая забастовка!

Оппортунистическая позиция правых социал-демократических и профсоюзных функционеров обычно мотивируется следующими аргументами: пусть нацисты спокойно остаются у власти, и вы увидите, как они прогорят; тогда придет наше время! Не слушайте коммунистов и революционную профсоюзную оппозицию; они приведут вас лишь к гибели!

Несмотря на то что значительная часть рабочих различных предприятий, под влиянием таких утверждений, все еще находится в состоянии нереши-

тельности, все же повсюду чувствуется воля к борьбе. Мы будем бороться! Благодаря мощи объединенного рабочего класса мы так же добьемся свержения этого правительства, как в 1920 году подавили путч Каппа—Лютвица! Товарищи! Нашей партийной ячейке дано почетное задание: наш завод должен стать зачинателем забастовки!

После этого краткого выступления я попросил собравшихся высказать свое мнение.

Один из товарищей сказал:

— Долго ли еще мы будем ждать? Профсоюзы не выступят с призывом к борьбе. Я полагаю, что их скоро распустят; тогда нас окончательно предадут. Я за то, чтобы немедленно начать забастовку!

После него попросили слова и остальные. Никто не отмалчивался, все высказались за забастовку.

Из выступлений явствовало, что мы были не одни. Нам была обеспечена поддержка боевых отрядов безработных, «Союза красных фронтовиков», а также «Союза антифашистской молодежи»¹. Затем участники собрания приступили к составлению плана борьбы. Прежде всего были разработаны предложения по вопросу о выборах забастовочного комитета и намечен план охраны бастующих. Большую часть времени заняло составление листовки, в которой рабочие нашего завода обращались ко всем предприятиям Лейпцига с призывом принять участие в забастовке. В заключение мы обсудили порядок проведения собрания на заводе, где коммунисты должны были завтра выдвинуть свои предложения, а рабочие вынести по ним решение.

Была глубокая ночь, когда мы покинули тесное прокуренное помещение и попрощались друг с другом молчаливым рукопожатием; из соображений безопасности нужно было расходиться поодиночке. По моему убеждению, каждый из нас испытывал чувство удовлетворения от того, что он сделал для успеха нашей борьбы—листовка будет отпечатана этой же ночью. Безработные нашего района должны были к утру написать и вывесить над

¹ Массовые организации, находившиеся под влиянием компартии.

заводскими воротами боевой лозунг. Отряды объединенной боевой организации на улицах, по-видимому, уже получили указания немедленно занять посты поблизости от завода и непосредственно около пивной, где обычно собирались штурмовики.

Я еще раз зашел в комнату, отведенную мне, как председателю производственного совета, чтобы просмотреть бумаги: надо было заранее проверить и уничтожить все, что могло служить против нас уликой.

В качестве председателя производственного совета и совета рабочих депутатов я должен был выполнять много обязанностей. Так, например, как председатель совета рабочих депутатов, я должен был контролировать соблюдение постановлений об охране труда, ибо хозяева предприятия заботились прежде всего о росте своих банковских счетов за счет здоровья и даже жизни рабочих. А как председателю производственного совета, мне надлежало принимать участие в заключении трудовых договоров и в обсуждении расценок на сдельную работу. Кроме того, приходилось вступать в бой при решении спорных вопросов, часто возникавших между дирекцией и рабочими, и защищать права рабочих. Чтобы иметь возможность действительно выполнять свои функции, я пользовался правом входа на завод и выхода из него в любое время суток, причем мог заходить во все цехи, в том числе и в те, доступ в которые был ограничен.

Перелистывая в своей комнате скоросшиватели с бумагами, я еще не подозревал, что наша партийная ячейка сегодня провела свое последнее собрание, что товарищи, годами боровшиеся вместе, по-настоящему верные делу рабочего класса и любившие друг друга, уже никогда больше не соберутся.

Наконец быстрым шагом я направился к остановке трамвая, так как вспомнил, что не предупредил о своем позднем возвращении мою жену Лизу. Но что это! На скупо освещенной газовыми фонарями улице я вдруг заметил, что меня преследуют две тени. Быстро завернув за ближайший угол и прижавшись к двери дома, я нащупал в заднем кар-

мане маленький маузер: в те дни надо было быть настороже. Крайне медленно, как мне показалось, оба подошли ближе и остановились. Я затаил дыхание. Тогда они почти одновременно воскликнули:

— Рот фронт, товарищ!

Вздыхнув с облегчением, я спросил их:

— Все в порядке, товарищи?

— Все в порядке,— ответили они.

Я приветствовал их поднятием кулака и продолжал свой путь. Антифашисты бодрствуют. Это доставило мне большое удовлетворение.

Решение о забастовке было принято.

Обязанностью производственного совета было сообщить об этом постановлении коллектива рабочих дирекции предприятия. И вот мы (кроме меня еще три других члена производственного совета) попросили доложить высокому начальству о нашем прибытии.

Директор Кёлер не торопился и заставил нас некоторое время посидеть в приемной. Может быть, он, обычно разыгрывавший из себя демократа, считал, что тем самым сумеет поколебать нашу решимость. Мы ждали и разглядывали портреты, увековечившие шеренгу предков владельцев предприятия. Поколение за поколением они пожирали плоды тяжелого труда рабочих, выплачивали нашим дедам и отцам жалкие гроши, держали их в послушании фальшивыми обещаниями, разыгрывали гуманность, не останавливаясь в то же время перед самыми жестокими мерами, как только их барыши подвергались угрозе. В этом они не изменились и до сегодняшнего дня. Однако рабочий класс за истекшие десятилетия стал умнее, его воспитали великие учителя Маркс, Энгельс и Ленин. Господин директор был глупцом, если он серьезно верил, что ожидание в приемной сделает нас более уступчивыми.

Наконец нас пустили в устланный мягкими коврами директорский кабинет. В качестве свидетелей директор пригласил к себе главного бухгалтера Риделя и технического директора предприятия Рапке. Я прямо сказал господам, что коллектив завода, лишь при небольшом числе воздержавшихся, принял решение об объявлении забастовки и что она

начнется завтра утром. Немного подумав, директор ответил менторским тоном:

— Отдаете ли вы себе отчет, что в основе вашей забастовки лежат только политические мотивы? Рабочие не извлекут из нее пользы, она принесет им новые неприятности.

Технический директор Рапке поспешил на помощь своему хозяину:

— Прошу вас, господа, еще раз хорошенько все продумать. Из-за этой забастовки мы потеряем несколько хороших заказов и будем вынуждены провести новые увольнения.

Главный бухгалтер молчал, потягивал сигару, меряя нас оценивающим взглядом.

Хотя в нашу задачу не входило вести с хозяевами длинные разговоры, однако что-то заставило меня сказать им:

— Мы хорошо все продумали и взвесили. Наша забастовка является единственно возможным средством преградить путь нацистскому террору, от которого гибнет с каждым днем все больше рабочих! Для нас, господа, стоит вопрос — быть или не быть! Мы хотим только демократии и мира!

Насмешливо и свысока смотрели на нас эти трое администраторов.

Я не мог сдержать внезапно охватившего меня волнения и спросил, свидетельствует ли, по их мнению, о порядке и безопасности то, что произошло вчера на соседнем предприятии, у «Беккера и К⁰», когда штурмовики и полиция выволокли с завода рабочего-функционера, избили его до полусмерти и бросили в тюрьму только за то, что он предупреждал рабочих об опасности, которую нацисты несут немецкому народу.

По лицам хозяев мне стало ясно, что дальнейший разговор для нас бесполезен и может даже стать опасным. Мы не должны были допускать повторения событий, происшедших на соседнем заводе.

Директор Кёлер сказал:

— Вы несете полную ответственность за все последствия этой забастовки!

Затем кивком головы он указал нам на дверь.

Когда вечером мы уходили с завода, улица была

запружена народом. Решение о забастовке быстро распространилось среди рабочих и оживленно обсуждалось во всем промышленном районе Лейпцига. Нас встретили восторженными возгласами. Тут же, у заводских ворот, выступила с приветствием делегация завода «Беккер и К⁰», а также группа женщин с предприятия «Кёртинг и Матизен». После этого мы пошли во главе демонстрации и, развернув знамена нашей партийной группы, запели рабочую боевую песню.

В полном порядке шествие двигалось по улицам Лейпцига-Лейч, мимо «Черного егеря» — известного в городе рабочего клуба, по направлению к рынку Линденау. Тротуары были заполнены народом. Непрерывно раздавались возгласы: «Браво, металлисты с «Яна!»», «Мы приветствуем ваше решение о забастовке!» На многих домах были видны лозунги: «Да здравствует единый фронт рабочего класса!» Все больше рабочих, мужчин и женщин, присоединялось к нашей демонстрации.

На рынке Линденау уже была воздвигнута трибуна. Тысячи демонстрантов выстроились перед ней. Пронесся слух, что перед нами выступит Георг Шварц. Наш Георг Шварц! Бывший председатель нашего производственного совета, теперь он был депутатом ландтага и секретарем Комитета КПГ подокруга Западная Саксония. Наш Георг Шварц — с этим именем было так много связано для лейпцигских металлистов! И слух подтвердился. Он не мог в этот знаменательный день не выступить перед своими друзьями и товарищами. Вот он поднялся на трибуну, и раздался знакомый голос:

— Дорогие работницы и рабочие! Товарищи! Я передаю вам сердечный боевой привет партии, которая полна решимости всеми средствами поддержать начатую вами борьбу. Вы можете быть уверены, что с вами солидарны все прогрессивные люди, борющиеся против фашизма. У нас нет другого пути, кроме массовой политической забастовки, чтобы сплоченным фронтом вместе с социал-демократическими и организованными в профсоюзы рабочими и служащими разбить фашизм. Если мы будем тесно сплочены, если мы еще больше укрепим складыва-

ющеся единство действий, к которому нас призвал Эрнст Тельман, то нацистам не удастся...

Внезапно на другом конце площади послышались крики и шум. Раздались свистки полицейского отряда, напавшего на демонстрацию. Уже нельзя было разобрать слов оратора. Отовсюду доносились стоны избиваемых рабочих. Однако скоро они были перекрыты возгласами негодования возмущенных демонстрантов.

Дело дошло до рукопашной схватки. Послышались резкие слова команды. Полицейские отступили. Наш отпор, а также возгласы возмущения, раздававшиеся из многих окон прилегающих к рынку домов, принудили их к отходу. Мы прислушивались к звучащим в отдалении гудкам полицейских автобусов. Тем не менее от продолжения митинга пришлось отказаться. По опыту мы знали, что полиция через некоторое время вернется с подкреплениями и наверняка с приказом открыть огонь. А пролития крови во всех случаях следовало избегать. Наша демонстрация, несмотря на ее преждевременное окончание, все же увенчалась успехом. Слова Георга Шварца произвели на всех участников большое впечатление. И повсюду на улицах еще долго можно было видеть группы оживленно беседующих рабочих. Несколько позже я узнал, что полиции так и не удалось втащить в свои машины ни одного демонстранта и, хотя она вначале и арестовала несколько человек, во время возникшей свалки им удалось скрыться.

Глава вторая

Лиза встретила меня с озабоченным лицом. За ужином она призналась, что постоянно находится в большой тревоге. Я постарался ее успокоить. Рассказал о событиях истекшего дня. Затем углубился в чтение газеты — тогда еще выходила «Зэксише арбейтерцейтунг». Мне бросился в глаза подчеркнутый красной чертой заголовок: «Решение о забастовке рабочих фирмы «Макс Ян»». Другая статья

была озаглавлена: «На Нонненштрассе штурмовиками убит железнодорожник». Еще одна статья: «Нападение штурмовиков на помещение профсоюзов в Цвенкау». Я молча протянул листок жене. Торопливо пробежав его глазами, она посмотрела на меня долгим безмолвным взглядом, ласково погладила мою руку и быстро вышла из комнаты.

Немного погодя, она снова вошла. Я сидел у радиоприемника и слушал последние известия. «...И если бы даже нам понадобилось построить тюрьмы от Мюнхена до Берлина, мы уничтожим поджигателей, коммунистических выродков! Мои соотечественники...» Говорил Геринг, палач рабочих; я выключил приемник. Лиза сказала:

— Ты же должен сегодня пойти на заседание.

Провожая меня на лестнице, она крикнула:

— Не задерживайся долго!

На этом заседании были приняты важные решения, связанные с продолжением борьбы нашей партии в условиях нелегальности. Мы были полны решимости, несмотря на жесточайший террор, продолжать борьбу и оставаться верными призыву Эрнста Тельмана: «Усиливать борьбу против фашизма! Еще больше крепить единый фронт!»

Вернулся я поздно, тихонько вошел в квартиру, чтобы не разбудить Лизу, и занялся приведением в порядок своих записей. Уже близилось утро, когда я наконец лег в постель и быстро заснул.

Меня разбудил резкий звонок. Было половина пятого. Лиза также проснулась. Мы растерянно посмотрели друг на друга. Снова раздался звонок. В дверь стали колотить ногами. Наконец я открыл дверь и увидел дула направленных на меня пистолетов.

— Быстро одеться! Пойдешь с нами!— прорычал один из штурмовиков.

В дверь вошли два штурмовика и два агента сыскальной полиции. Коричневорубашечники оттеснили меня к стене и пристально следили за мной. Двое других немедленно приступили к обыску квартиры. Я сказал:

— Пожалуйста, одну минутку, моя жена еще одевается.

— Да что ты говоришь! — издевательски ухмыльнулись они и продолжали ворошить все вверх дном, но ничего не нашли.

Прощание было торопливым. Со слезами на глазах жена сказала мне:

— Будь мужественным.

Я поцеловал ее.

— Прощай, передай привет всем близким.

Полицейская машина доставила меня в лейпцигское главное полицейское управление на Вехтерштрассе, где помещалась и штаб-квартира гестапо.

Сначала: фотографирование, отпечатки пальцев, установление личности, раздевание догола, обыск.

Два штурмовика схватили меня и повели слабо освещенными коридорами мимо множества дверей. Одну из них открыли, сильный толчок — и я оказался в ярко освещенной комнате.

Резкий свет от мощной лампы бил в лицо, но все же можно было различить письменный стол и трех людей, сидящих у маленького столика. Быстро оглядевшись, заметил, что в комнате не было окон; тревожное чувство овладело мной. Начался допрос.

— Ну, попался, красный подстрекатель! Теперь ты нам все расскажешь. Где оружие? Говори!

Я спокойно ответил, что не имею никакого отношения к оружию и что, как депутат германского рейхстага и член муниципалитета, пользуюсь депутатской неприкосновенностью. Я потребовал немедленного освобождения, указав на то, что не нарушил конституции Германии.

В ответ раздался оглушительный хохот. Один из гестаповцев подскочил и ударил меня по лицу, прычав при этом:

— Вот тебе твоя неприкосновенность, паршивая собака!

Другой набросился на меня со словами:

— Рассказывай, наконец, где спрятано оружие? И где находится ваше нелегальное руководство?

Я молчал. Тогда последовал страшный удар между глаз, заставивший меня откинуться назад. Новый удар, нанесенный сзади по голове резиновой дубинкой, опрокинул меня на пол. Не дав подняться, меня так обработали ударами сапог, что пе-

рехватило дыхание и комната закружилась перед глазами. Когда мне все же удалось встать на ноги, один из гестаповских скотов снова заревел:

— Функционер — и ничего не знаешь? Ну пожди, мы тебе развяжем язык!

Сильный удар ногой отбросил меня через всю комнату в руки двух штурмовиков-охранников.

— Увести. В одиночку! Надеть наручники! — услышал я как бы издалека приказ гестаповского громилы.

Палачи тотчас же выполнили приказание. Обратный путь лежал через те же самые коридоры. Затем меня вытолкнули во двор и привели в старое мрачное боковое здание, в котором пахло гнилью. Это был так называемый «Бетховенский зал» лейпцигской полицейской тюрьмы. Всюду толпились вооруженные резиновыми дубинками штурмовики — новая вспомогательная полиция третьего рейха. Было семь часов утра. Меня отвели на второй этаж, в камеру двадцать девять.

Сначала я был только рад, что меня наконец оставили в покое и что можно отдохнуть от побоев; ни о чем другом не думалось. Лишь когда слабый свет начинающегося утра проник через двойные решетки и железный козырек окна в камеру размером около двух квадратных метров, мне удалось понемногу привести в порядок свои мысли... Что стало с забастовкой? Кого еще взяли? Эти мысли не выходили из головы, в то время как взгляд механически фиксировал скудную обстановку камеры: откидную койку, маленький столик, откидную скамейку, вонючую жестяную парашу. Снаружи, приглушенные стенами и дверью, часто доносились звон ключей и крики, что придавало наступавшей затем тишине что-то зловещее.

Мысли были заняты Лизой, когда дверь в камеру открылась. Одетый в коричневое, тюремщик вытирает бараньи глаза и, многозначительно помахивая резиновой дубинкой, спросил:

— Ты почему стучал?

— Я не стучал.

Он еще раз смерил меня взглядом и с грохотом захлопнул дверь.

Вторично ключ заскрипел в двери в полдень. Другой сторож принес миску перлового супа и ложку. Он снял с моих рук наручники и сказал:

— В твоём распоряжении десять минут!

Встав в дверях, он стал ждать, пока я не выхлебаю горячий суп, а затем снова надел на меня наручники. Вечером мне дали два кусочка хлеба, кружку кофе и снова десять минут времени на еду. Ночь я провел на жесткой койке с закованными руками.

В одиночестве проходили день за днем. Все больше и больше утрачивалось представление о том, что происходило за стенами тюрьмы, в бьющей ключом повседневной жизни. Много часов проходило в тревожных думах о жене, товарищах, о нашей борьбе и ее перспективах. Я всеми силами боролся против расслабляющего влияния тягостного одиночества.

Так прошли три недели, в течение которых меня ни разу не вызвали на допрос. Но вот однажды ночью, в совершенно необычный час, в двери заскрипел ключ. Едва я успел соскочить с койки, как на меня заорали:

— Живо, выходи! Да быстрее, быстрее!

Тюремщики погнали меня вниз по лестнице во двор, затем в подвальное помещение. Впереди и позади меня я видел спешащих товарищей. Коричневые бестии стояли на изготовку и резиновыми дубинками яростно нас колотили, колотили до тех пор, пока мы не вбежали в большой, ярко освещенный двор.

Один из охранников прорычал:

— Построиться по пяти!

Напуганные и еще шатаясь от побоев, мы бросились как попало выполнять команду; кто недостаточно быстро находил свое место, получал удар, от которого валился на землю.

В конце концов построились, нас пересчитали. Оказалось двести человек.

Под градом новых ударов мы устремились к покрытым брезентом грузовикам. Когда зверски избитые заключенные погрузились в машины, в каждую из них сели по четыре вооруженных до зубов штур-

мовика. Затем мы тронулись в путь. Куда? Никто этого не знал...

Колонна грузовиков проехала через начавший просыпаться Лейпциг, но, закрытые брезентом, мы не могли видеть, в каком направлении лежит наш путь. Скоро удалось определить, что едем по шоссе. Шум моторов позволил нам незаметно для охраны тихонько разговаривать друг с другом. Все были функционерами, многие хорошо знали друг друга.

Прошло около часа, когда грузовик резко затормозил и остановился. Послышалась команда:

— Штурмовикам выйти из машин!

Кругом был лес. От одного к другому передавалось шепотом:

— Теперь они нас прикончат...

Среди арестованных наверняка не было человека, у которого в эти секунды не были бы напряжены до крайности нервы.

— Кому надо оправиться — выходи!

Некоторые товарищи нерешительно вылезли из грузовика. Затем езда возобновилась. Многие из нас высказали предположение, что лес, в котором мы останавливались, находится за Бад Лаузик. Один из товарищей прошептал:

— Нас везут в концентрационный лагерь.

По его словам, во время допроса в гестапо он слышал, что такой лагерь должен быть организован где-то около Кольдица.

И действительно, грузовики следовали в направлении первого в Саксонии концентрационного лагеря. Всех волновал вопрос: «Что нас ожидает?»

Глава третья

Вскоре грузовики остановились перед воротами Кольдицкого замка, построенного в XVII веке и расположенного на возвышенности. Раздалась команда:

— Выходи из машин! Построиться по пяти! Рассчитаться!

На этот раз обошлось без побоев. После того как начальник колонны удостоверился, что никто не сбежал, отворились большие тяжелые ворота.

Кольдицкие штурмовики уже ждали нас. Шестьдесят отборных громил, вооруженных стальными прутьями, кожаными плетями и резиновыми дубинками, были выстроены шпалерами. Нас должны были поодиночке прогнать сквозь строй. Это была настоящая охота: каждый из нас старался пробежать сквозь строй как можно быстрее, но никто из коричневых громил не хотел, чтобы от него ускользнул хоть один. Истерзанные, избитые до крови, мы должны были, пройдя это испытание шпицрутенами, снова построиться по пяти.

Затем нас зарегистрировали, разбили на группы по тридцать—сорок человек и распределили по камерам замка, представлявшим собой совершенно запущенные дыры: пятна плесени величиной в квадратный метр на каменном полу, мокрые стены с обвалившейся штукатуркой, грязные, покрытые паутиной окна. Запах хлева и куриный помет, которым были загажены длинные проходы, заставляли думать, что здесь долгое время было помещенье для скота и птицы. Мы получили метлы, ведра, тряпки и под надзором штурмовиков начали приводить новое жилье в сколько-нибудь сносное состояние. Из сарая во дворе замка товарищи притащили солому и разложили ее на полу. Каждому из нас выдали по два одеяла. Одно из них должно было служить простынею, другое — одеялом.

На следующий день мы выбрали старосту, который отвечал за лагерный распорядок и поддерживал связь с охранниками-штурмовиками. Как только кто-нибудь из них входил в камеру, староста обязан был подавать команду: «Смирно!» В камере, куда я попал, стал старостой товарищ Густав Рейнгард. Наш Густав был известным в Лейпциге функционером КПГ. Еще в 1921 году, во время боев за заводы Лейна, он, как красный матрос, был членом совета солдатских депутатов. Естественно, что такой староста пользовался полным доверием всех заключенных. Позднее на нелегальной работе мне пришлось тесно сотрудничать с Густавом, и лишь тогда я по-настоящему узнал его. Когда мы вторично попали в руки гестапо, нас обвинили и осудили по одному делу.

Режим в лагере был без сомнения более сносным, чем в полицейской тюрьме. Нам выдали карточки на табак, и заключенные могли по мере надобности выходить из камеры в коридор и курить. Было разрешено писать родственникам и получать от них деньги и продовольственные посылки. Что касается последнего, то, если кто-либо считал хоть сколько-нибудь возможным просить об этом своих близких, он использовал эту возможность. Ведь лагерное питание состояло из трех четвертей литра горячего, но постного супа, выдаваемого дважды, и фунта хлеба. Из отобранных у нас при аресте денег мы время от времени получали до десяти марок и могли на них заказывать из города сигареты.

На второй день после прибытия в замок Кольдиц из Лейпцига приехали гестаповцы и возобновили допросы. Для избежания заключенных теперь использовались кольдицкие штурмовики.

После допросов многие товарищи не возвращались в камеры. Убиты ли они или их отправляли куда-либо? Эта неизвестность терзала нас и заставляла каждого испуганно вздрагивать, когда штурмовики выкрикали его имя. О том, что случилось с этими товарищами, я узнал однажды ночью. Вместе с двумя другими заключенными, Густавом Рейнгартом и Бруно Зэге, меня отвели в глубокий сырой подвал. Мы думали, что пробил наш последний час. И вот на скользких каменных плитах мы увидели труп одного из товарищей. Он был так изувечен, что его невозможно было узнать. Нам приказали положить труп в продолговатый ящик, отнести наверх и погрузить в уже готовый к отправлению грузовик. После этого один из штурмовиков завел нас в дежурную комнату и предупредил: «Если вы об этом разболтаете, вас ждет та же дорога». За это время мы хорошо узнали этих бандитов и не сомневались, что угроза будет приведена в исполнение; поэтому мы ни с кем не говорили об этом случае. В кольдицких застенках было замучено около 40 мужественных антифашистов.

Оставшихся в живых заключенных подвергали всевозможным испытаниям, подтачивавшим их силы. Используя опыт прусской казармы, наци-

сты донимали нас придирками и всячески старались сделать нашу жизнь невыносимой. Они хотели растоптать нашу честь, растлить нас духовно. Однако в своем опьянении властью они не учли силы нашего духа.

Одной из форм издевательств было ежевечернее пение во дворе замка. После переклички мы должны были до тех пор горланить нацистские песни, пока это не надоедало коменданту лагеря. Если становилось темно, то дирижер (им в течение долгого времени был товарищ Хариш, один из наиболее известных учителей-коммунистов Лейпцига) должен был «отбивать» такт с помощью зажженного электрического фонарика.

Однажды во время переклички начальник лагеря Мюлих встал перед строем и пролаял:

— Слушай меня, красная сволочь! Мы хотим научить ваших бюрократов, как надо работать! Всем депутатам выйти вперед, марш, марш!

Но на этот раз не произошло обычной торопливой давки и толкотни, которая возникала в наших рядах всякий раз, когда выкликали имена заключенных и они должны были выйти вперед. Похоже было на то, что страх перед новыми, еще неизвестными пытками сковал ноги тех, кого выкликали.

Тогда Мюлих снова проревел:

— Ну, быстрее! Вы здесь не на отдыхе!

Однако его рев не произвел желаемого эффекта. С побагровевшим лицом он заорал:

— Мы вас научим национал-социалистским темпам, будьте уверены! Смирно!

Шеренги заключенных замерли. Я стоял в первом ряду.

По глазам Мюлиха было видно, что он искал жертву. Внезапно остановившись передо мной, он зашипел:

— Мы собьем с тебя спесь, молодчик! Имя?

Когда я отбарабанил ответ, он закрычал:

— Ага, молодчик из коммуны, так, так! Рильке, взять на заметку!

Затем он снова скомандовал:

— Всем депутатам и функционерам выйти вперед, марш, марш!

Около тридцати заключенных быстро вышли из рядов и построились в пяти шагах перед фронтом.

Мюлих свирепо посмотрел на нас и крикнул:

— Это все? Ну смотрите, если по документам я найду еще кого-нибудь! Я его заставлю поплясать!

Унтершарфюреру¹ Рильке он сказал:

— Эта группа является командой особого назначения. Она подчинена вам. Научите этих парализованных тюленей настоящему стилю работы и дисциплине, понятно?

Рильке был одним из наиболее изощренных садистов. Под его командованием мы должны были ежедневно заниматься строевой подготовкой и проделывать самые бессмысленные упражнения. При этом не обходилось без побоев, причем часто до крови. Затем Рильке передавал нас штурмовикам, которые вели нас на кухню, где нужно было чистить картофель и выполнять самую различную черную работу. При этом штурмовики непрерывно над нами издевались. Например, мы были обязаны по любому поводу вытягиваться перед нацистами, подносить им огонь для сигарет, кричать «Смирно!», как только они входили или выходили, и открывать им дверь. Разговаривать в их присутствии запрещалось. Если эти «избранные существа», какими себя считали штурмовики, находили, что мы им чем-либо не угодили, то нас били или заставляли стоять по нескольку часов лицом к стене. Однажды один из охранников прижал зажженную сигарету к моей руке только за то, что брызги воды из моего чана попали ему на сапоги. Затем я должен был начищать эти сапоги до тех пор, пока они не заблестели как зеркало. При этом он орал:

— Смотрите-ка, как здорово это получается у депутата рейхстага! Надо будет сегодня вечером рассказать об этом моей куколке. Она удивится, каких людей я имею в своем подчинении!

В заключение он дал мне пинка и крикнул:

— Сегодня ты останешься без курева, паршивая свинья, понятно?

¹ Унтер-офицер войск СС.

Было солнечное майское воскресенье, когда нам впервые разрешили свидание с друзьями и родственниками. Каждый из нас с самого утра находился в ожидании встречи как в лихорадке. Я ждал Лизу. Последний раз мы виделись несколько недель назад. И несмотря на телесные и душевные муки, которым нас подвергали в этом аду, во мне не затихала боль, испытанная мною тогда, при расставании...

Наконец выкрикнули мое имя. Я не бежал, а, скорее, летел. Многие товарищи уже стояли во дворе. Мы должны были построиться по десять человек, и штурмовики отвели нас в передний двор замка. Там в один длинный ряд были поставлены столы. Мы должны были подойти к ним с интервалом метр друг от друга. Вскоре большие ворота замка были распахнуты, и наши близкие толпой бросились во двор. Команда штурмовиков оттеснила их по другую сторону столов. Некоторое время ушло на взаимные поиски, сопровождаемые бестолковой беготней и тревожными выкриками имен. Но вот послышались первые радостные возгласы нашедших друг друга родных. Штурмовики не смогли сдержать женщин. Они опрокинули столы, которые должны были служить барьером, и бросились на шею своим сыновьям, братьям, мужьям.

Дежурный унтершарфюрер несколько раз угрожал прервать свидание, прежде чем был восстановлен требуемый порядок.

Лиза пришла. Она принесла продукты, пиджак и белье. Штурмовик, стоявший у стола, проверял каждый предмет, который мне передавала жена. Когда она положила на стол пиджак, я увидел — леденящий ужас охватил меня — под лацканом пиджака серебряный значок: серп и молот. Лиза также заметила его и побледнела. Прежде чем штурмовик обернулся, Лиза схватила пиджак и обняла меня. Затем она положила на стол белье и, в то время как охранник проверял мои рубашки и кальсоны, незаметно сняла значок. Теперь гитлеровец мог сколько угодно осматривать пиджак. Однако он обшарил лишь карманы, после чего положил пиджак на стол и сказал:

— Можешь взять.

После пережитого волнения мое сердце бешено колотилось. Если бы тюремщик обнаружил значок, то нам обоим бы не сдобровать. Лиза, видимо, думала о том же. Она печально посмотрела на меня и сказала:

— Не сердись. Я буду еще лучше присматривать за нашим садом, особенно за чудесными цветами, которые ты так любишь. Когда ты вернешься, они, конечно, будут цвести.

Штурмовик тупо глазел на нас. Он не мог уловить истинного смысла того, что сказала Лиза.

Час пролетел слишком быстро. Чем ближе становился момент расставания, тем сильнее сжималось сердце, к горлу подступал комок. Когда наконец прозвучал голос надсмотрщика, возвещавший конец свидания, мы еще раз молча обнялись... Как долго еще придется ждать следующей встречи...

Мое пребывание в лагере длилось с апреля до ноября 1933 года.

Был чудесный, мягкий осенний день, когда меня и некоторых других товарищей освободили. Старый Кольдицкий замок был освещен лучами заходящего солнца. Даже в самые черные дни феодализма он вряд ли видел такие ужасы, как теперь, когда его подвалы были превращены эсэсовцами в камеры пыток. С двойственным ощущением — радости от вновь обретенной свободы и сомнения, не является ли все это очередной каверзой, — мы сели в грузовик, который привез из Лейпцига новую партию заключенных и на обратном пути захватил нас.

В Лейпцигском полицейско-президиуме нас освободили не сразу. Мы расписались под документом, в котором утверждалось, что заключенных хорошо кормили, вежливо с ними обращались, что заключение служило интересам нашей безопасности и что в будущем мы будем вести себя лояльно в отношении нового правительства. Далее в документе значилось, что власти резервируют за собой право потребовать возмещения стоимости заключения. Как мне позднее рассказала жена, во время моего ареста ее вызвали в гестапо и предложили представить справку о нашем имущественном положении. При этом ей предъявили счет на несколько сот ма-

рок и потребовали оплатить деньги, израсходованные на мое содержание в заключении. Конечно, жена была не в состоянии это сделать. После того как мы подписали этот документ, нас освободили.

Да, мы снова были свободны — свободны для новой борьбы против преступного фашистского режима. Ибо все мучения и издевательства, которым нас подвергали, не смогли сломить нашей воли, они нас только закалили. И более чем когда-либо мы считали своим неперменным долгом защищать честь германского революционного рабочего движения.

Глава четвертая

Радость жены, друзей и знакомых в связи с моим освобождением еще больше возросла, когда они увидели, что я перенес заключение без скольконибудь значительных физических увечий: лишь несколько зубов осталось в камерах пыток. Радость не могла омрачить и необходимость ежедневно являться в полицейский участок. Тревога овладела нами лишь тогда, когда настало время устраиваться на работу. На какой бы завод я ни приходил, всюду получал отказ: мое имя было занесено в черные списки, разосланные на все предприятия. Не оставалось ничего другого, как ходить отмечаться на биржу.

Каждую неделю мы с женой получали тринадцать марок семьдесят пять пфеннигов пособия по безработице. В месяц это составляло около шестидесяти марок. Из них десять марок восемьдесят пфеннигов уходило на квартплату (двадцать марок квартирного пособия мне, как безработному, выплачивало государство) да еще нужно было платить за свет и отопление. На питание нам оставались едва десять марок в неделю. Это было нищенское существование.

Конечно, я постарался как можно скорее установить связь с партией. Благодаря доверию, оказанному мне товарищами, это удалось сделать гораздо быстрее, чем я думал. После нескольких встреч меня

ввели в курс нелегальных дел нашей партии и дали возможность принять участие в работе. Еще в легальный период я был членом подокружного руководства нашей партии и членом окружного руководства Революционной профсоюзной оппозиции (РГО)¹; на этом основании мне было дано ответственное задание...

В эти дни стало известно, что нашего товарища Вальтера Альбрехта, руководителя РГО в Лейпциге, уже не было в живых. Через несколько месяцев после моего ареста его также увезли на Вехтерштрассе. Там его так избили, что он скончался. Несмотря на пытки, от него не добились показаний. Жене Вальтера передали запломбированный гроб и сообщили, что ее муж был «найден повесившимся в камере». Похороны проходили под контролем полиции.

...Мое первое задание по нелегальной работе заключалось в том, чтобы от имени партийного руководства установить и поддерживать связи с массовыми организациями. Мне присвоили нелегальную кличку Массовик, или, сокращенно, М.

Поскольку массовые пролетарские организации вели борьбу в подполье и в их рядах из-за волны арестов, проведенных гестапо, также образовались бреши, приходилось устраивать встречи с величайшей осторожностью и в самых неожиданных местах. Чтобы избежать слежки, мы ездили самыми запутанными кружными путями, десятки раз меняли виды транспорта и никогда не назначали явку дважды в одном и том же месте. Лишь благодаря строгому соблюдению правил конспирации наша нелегальная работа протекала успешно — «Красный спорт»², «Красная помощь»³, «Союз свободомысля-

¹ Профсоюзное объединение, созданное по инициативе КПГ в противовес реформистским профсоюзам, руководимым социал-демократами.

² «Красный спорт» — спортивная рабочая организация находившаяся под влиянием КПГ.

³ «Красная помощь» — организация по оказанию помощи жертвам фашистского террора и их семьям. Существовавшая в СССР аналогичная организация называлась «Межрабпом».

щих»¹, «Союз коммунистической молодежи» и другие антифашистские организации работали с нами в тесном контакте.

Вскоре антифашистская деятельность приняла довольно широкий размах.

С крыш крупных магазинов на головы прохожим падали листовки; по ночам на домах появлялись антифашистские лозунги; на заводских трубах «неизвестные» укрепляли красные флаги; рабочие находили у станков листовки и брошюры. В кино-проспекты, раздаваемые перед «Капитолием» и другими кинотеатрами, вкладывались листовки антифашистского содержания.

Одной из групп Сопротивления однажды удалось подсоединиться к городскому радиокабелю, ведущему из Лейпцигского радиодома на радиостанцию в Видерау, и подключить свой микрофон. Жители Лейпцига слушали музыку, транслировавшуюся по радио, внезапно в эфир ворвался звучный голос:

— Рабочие! Соотечественники! Нацисты мучают и убивают лучших сынов нашего народа. Они умертвили в полицейской тюрьме Вальтера Альбрехта из Лейпцига. Они подвергают пыткам Отто Германа и Артура Гофмана. Эти рабочие, так же как Эрнст Тельман и другие честные люди, находятся под угрозой смерти. Объединяйтесь и устанавливайте единство действий! Свободу всем заключенным! Долой коричневую чуму! Да здравствует...

Голос оборвался, и снова зазвучала музыка.

В зимние месяцы 1933/34 г. часто можно было слышать антифашистские радиопередачи на коротких волнах. Ни один из передатчиков нацисты не обнаружили.

Так как я обладал необходимыми специальными знаниями и опытом, мне также поручили собрать коротковолновый передатчик. В помощь мне были выделены Густав Рейнгарт, Курт Ветцель и товарищ Май. Изготовление различных деталей и монтаж аппарата заняли не много времени, поскольку

¹ «Союз свободомыслящих» — объединение атеистов. В гитлеровский период «Союз» принимал участие в антифашистском движении.

для нас это было сравнительно знакомым делом; затем мы приступили к первой пробной передаче.

Товарищ из Галле, имя которого осталось для меня неизвестным, предоставил нам небольшой грузовик, замаскированный под машину для перевозки белья. В нем мы разместили радиоаппаратуру. В Шкойдицком лесу поблизости от Домхольц-Шенке была установлена передаточная антенна. Место это хорошо охранялось товарищами. В течение десяти минут я передавал воззвание об организации движения Сопротивления. Сознание, что мои слова слушали в эти минуты сотни людей и что многие наверняка передали их другим, наполняло меня гордостью и ответственностью за порученное дело. Говорила другая Германия, та, которой принадлежало будущее.

Нашу вторую нелегальную радиопередачу мы провели восемь дней спустя в Гардте, около Цвенкау. Она также прошла благополучно и имела больший успех. В последующие дни удалось установить, что ее слушало значительно больше людей, а также — и этого в конечном счете нельзя было избежать — гестапо. Нам сообщили, что передача вызвала среди гестаповцев переполох и что принимаются меры для раскрытия нашей нелегальной группы.

Следующее мероприятие, также привлекавшее к себе большое внимание, мы провели на тогдашней Франкфуртерштрассе. Однажды на фасаде Гимнастического зала появился написанный метровыми буквами лозунг: «Освободите Эрнста Тельмана!» Напротив была расположена Общедоступная городская больничная касса (теперь в этом здании находится Немецкий институт физической культуры). Тысячи входивших и выходивших из нее людей могли видеть этот лозунг. На улице непрерывно завязывались по этому поводу разговоры, и полиции приходилось разгонять группы спорящих. Вызванная нацистами пожарная команда безуспешно пыталась смыть лозунг; долгое время надпись можно было прочесть, пока ее не замазали черной краской.

А однажды ночью на асфальтовой мостовой были начертаны слова: «Рот фронт жив! Рот фронт жив!»

Приводя в ярость нацистские власти, наша партия находила все новые и новые возможности для проведения антифашистской пропаганды.

В этой тяжелой борьбе радиопередачи из Москвы служили для нас неиссякаемым источником мужества. Как это было замечательно, когда вечером можно было слушать слова, доходившие до нас из первой в мире страны социализма: «Вы не одиноки в вашей тяжелой борьбе, немецкие товарищи! За вами стоит весь антифашистский мир! Да здравствует единый антифашистский фронт! Освободите из тюрьмы Эрнста Тельмана и всех заключенных антифашистов!» Мы думали о том, что эти призывы звучали на весь мир, и вспоминали наших товарищей, страдавших в тюрьмах за правое дело.

В самый разгар нашей работы руководству партии неожиданно был нанесен тяжелый удар. Некоторые товарищи, возвращавшиеся с нелегального заседания, состоявшегося в Чехословакии, подверглись аресту при переходе границы. Явилось ли это результатом неосторожности? Или причина была иная? — спрашивали мы себя. Этого так и не удалось узнать. Во всяком случае, через несколько дней гестапо арестовало почти все наше руководство. После нескольких дней, в течение которых мне удавалось скрываться, был арестован и я.

Жуткие сцены разыгрывались в тех случаях, когда гестаповские палачи обнаруживали среди арестованных знакомые лица. Они как бешеные набрасывались на свои жертвы. Однако товарищи держались стойко. Даже когда гестапо прибегло к очным ставкам, палачи не смогли добиться нужных им сведений. Правда, тот или иной товарищ, чтобы не быть забитым до смерти, давал некоторые несущественные показания о своей нелегальной работе, однако ни один из еще оставшихся на свободе работников не был выдан. Гестапо не удалось уничтожить наш нелегальный аппарат. Было образовано новое руководство, и работа продолжалась, правда масштабы ее сократились.

Мне повезло: через три месяца снова открылись двери свободы. Гестаповским следователям Вильке и Брауну, несмотря на все их усилия, не удалось

доказать моего участия в нелегальной работе. Были ли они действительно убеждены в моей «невиновности» или выпустили меня лишь как приманку, чтобы схватить других товарищей? В интересах нашей партии я должен был в течение длительного времени воздерживаться от нелегальной работы.

Заканчивался 1934 год, когда при помощи друзей мне удалось устроиться слесарем на завод Питтлера в Лейпциге-Варен. Не проработал я там и недели, как ко мне подошел товарищ, чтобы прощупать, не соглашусь ли я принять участие в работе заводской ячейки КПГ. Мне было приятно такое доверие, однако из соображений безопасности пришлось отказаться.

Так прошли месяцы, в течение которых мое поведение было вполне «лояльным». Однако в конце концов, считая, что за мной наверняка больше не следят, я принялся осторожно восстанавливать связи, оборвавшиеся со времени моего последнего ареста.

Наша организация за это время численно уменьшилась: все возраставший террор нацистов вырвал из наших рядов много товарищей. Некоторые из них из-за неслыханно суровых приговоров, выносимых нацистской юстицией, не нашли в себе достаточного мужества чтобы продолжать участвовать в движении Сопротивления. Вместе с тем немало антифашистов, большей частью выходцев из мелкобуржуазных кругов, попались на удочку нацистской пропаганды, всячески рекламировавшей снижение в стране безработицы. Резко сократились и наши возможности издания нелегальных материалов.

Задача состояла отныне в том, чтобы организовать распространение нелегальной литературы, поступавшей во все большем количестве из Чехословакии, и по мере возможности заполнить образовавшиеся в наших рядах брешы. Нужно было организовать кампанию солидарности и сбор денег для семей заключенных, а также помочь перейти через границу товарищам, жизнь которых находилась под угрозой.

Вскоре после возобновления нелегальной работы я получил через работника ЦК задание восстано-

вить нарушенные и установить новые контакты с надежными товарищами. В связи с этим было созвано совещание нашей группы. Оно состоялось у Пауля Нетте. Присутствовало шесть человек, в том числе Ганна Глязер и Густав Рейнгарт. Пауль Нетте был выделен для связи с ЦК. Он работал под кличкой Сигарета и должен был осуществлять связь между ЦК и мной, как ответственным за подокруг Лейпциг. Я получил задание установить связь с массовыми организациями трудящихся.

Для выполнения этой задачи пригодился обширный круг знакомств, завязанных мной в период легальной работы. Я нашел людей, преданных делу рабочего класса и полных революционного духа. Кровавый террор нацистов не остановил этих патриотов. Они работали вместе с нами.

Неустрасимость и высокая пролетарская сознательность Герберта Манке, Курта Ширмера, Рихарда Кунча, Эриха Хазе, Эммы Байер и многих других товарищей навсегда останутся в моей памяти.

Установление и поддержание связей с массовыми организациями проходило, конечно, при строжайшем соблюдении правил конспирации. Я знал людей, которым по поручению партии должен был передавать информацию, только по кличкам. Это были товарищи Нос («Красный спорт»), Очки («Союз молодежи»), Отличный (Революционная профсоюзная оппозиция) и Кузнечик («Союз свободомыслящих»). С каждым из них я встречался почти еженедельно. Время и место встречи всегда сообщались третьим лицом.

Однажды я встретился с Отличным у дома лестничества в Маркклееберге. Встреча была назначена на 14 часов 50 минут. Отличный должен был держать в левой руке свежесрезанный прут и хлестать им себя по ноге. Ему было известно, что я буду нести в правой руке кепку и надену ее, как только узнаю его. Я прошел как бы случайно совсем близко от него и прошептал его кличку. Он тихо ответил: «Массовик». Мы пошли как будто на прогулку в Конневицкий лес, расположенный к югу от Лейпцига, и обсудили все, что было нужно.

При встречах нам запрещалось иметь с собой

какие-либо записи; все должно было храниться в памяти. Товарищи, приходившие на явки, как правило, не должны были иметь при себе вообще никаких бумаг, кроме удостоверений личности. Только в особых случаях мог передаваться нелегальный печатный материал, отчеты или письма. Каждый из нас знал, что в случае провала информационный документ или письмо нужно было уничтожить или, в случае необходимости, проглотить.

Если мой контакт с Сигаретой — товарищем для связи с ЦК — почему-либо прерывался, я должен был обратиться в постоянный явочный пункт. При этом нужно было удостовериться, что в первом окне здания справа в углу стоит горшок с цветами; если его не было, то это означало «опасность», и я не должен был входить. Тогда приходилось использовать последнюю явку. Она находилась в подвале модного кафе «Панорама», где было множество холодильных установок. Среди персонала, наблюдавшего за их работой, было четыре абсолютно надежных товарища, из которых один постоянно находился на месте. Он отводил меня в мастерскую к Густаву Рейнгарту, который мог восстановить связь.

В такой напряженной работе по организации движения Сопротивления прошла первая половина 1935 года.

Глава пятая

Это произошло 10 августа 1935 года. Я запустил для проверки пять револьверных станков и внимательно вслушивался в тонкое жужжание приводов. Затем проверил различные включения, прямой и обратный ход и установил, что на одном из станков нужно подшабрить переднюю опору, а на другом отрегулировать сцепление. Я только что проверил на третьем станке работу масляного насоса, как кто-то сзади хлопнул меня по плечу. Недовольный тем, что мешают работать, я обернулся: штатские! «Гестапо!» — пронеслось у меня в голове. Один из них заорал:

— Зимон?

— Да,— ответил я.

— Немедленно следуй за нами.

— Да, но... моя работа, мои инструменты?

Но меня уже схватили за руки:

— Ни слова больше, не сопротивляться! Пошли!

Мои товарищи озадаченно смотрели, как меня уводили.

В то время как я мылся и переодевался, четверо гестаповских сыщиков обыскали мой шкаф. Они взломали замки соседних шкафов и перерыли их содержимое, но того, что искали, не нашли.

Вопреки ожиданию перед заводскими воротами машины не было. Мы дошли до ближайшей трамвайной остановки и оттуда с первым же трамваем доехали до Вехтерштрассе.

И вот тяжелые черные ворота захлопнулись за мной в третий раз. Формальности по приему прошли обычным, уже известным мне порядком; угрозы гестаповцев были на этот раз более серьезными.

— Мерзавец! Теперь мы окончательно выьем из тебя твои красные идеи!

Затем я очутился в тесной камере со спертым воздухом.

Меня терзала мысль: неужели моя нелегальная работа вызвала подозрения... Или в наших рядах оказался предатель? Очень скоро пришлось убедиться, что, к сожалению, последнее предположение оказалось правильным.

Скрип ключа прервал мои размышления. Тюремный сторож крикнул:

— Немедленно выходи!

Длинным коридором мимо камер с крепкими решетками меня привели в комнату, которую я узнал с первого взгляда: это была так называемая звуко-непроницаемая камера.

Три гестаповских палача уже были здесь. Один из них сидел за пишущей машинкой. «Допрос»,— пронеслось в голове. Вопреки ожиданиям они приняли меня подозрительно вежливо. Гестаповец Вильке, знавший меня по предыдущим арестам, произнес нечто вроде маленькой речи:

— Мы знаем о вас почти все и ждем чистосер-

дечного признания; отпираться не имеет смысла, это лишь ухудшит положение. Дайте показания, и вы получите справедливое наказание, после чего вас оставят в покое. Позднее от вас будет зависеть, станете ли вы настоящим гражданином нашего национал-социалистского государства!

После такого вступления он предложил мне сигарету. Я с наслаждением сделал первую затяжку и только собрался снова взять сигарету в рот, как Вильке грубо крикнул:

— Ну, начинайте!

Я посмотрел на тонкие струйки дыма, спиралями подымавшиеся от сигареты, и пожал плечами; затем ответил как можно спокойнее:

— Я ничем не занимался, господин следователь, право же совершенно не знаю, о чем идет речь.

Толстый Вильке посмотрел на меня непонимающим взглядом, затем его челюсти задвигались, и он прошипел:

— Так, так, ну тогда посмотрим!

От сильного удара в нос я покачулся и ударился о стену. В глазах помутилось. Я попытался закрыться рукой. Второй удар, на этот раз резиновой дубинкой, парализовал мою руку, которой я старался прикрыть лицо. Под градом ударов я перелетал как мячик от одного гестаповского палача к другому. Наконец один из них распахнул дверь, и я вылетел в прихожую, буквально на руки уже ожидавших меня тюремщиков. В голове трещало и гудело. Руки и ноги были парализованы. В то время как меня тащили, я услышал голос Вильке, прозвучавший как бы совсем издалека:

— Приковать руки к ногам!

Не помню, сколько часов провел я после этого первого ночного допроса на холодных мокрых плитах камеры. Скрюченное положение корпуса — руки были прикованы к ступням ног — затрудняло кровообращение и еще больше усиливало боль, разлившуюся по всему телу. Я даже не мог сжать зубы, ибо десны превратились в кровоточащую рану. К тому же в голове непрерывно стучало, как от ударов молота: что же будет дальше... Помимо физических страданий меня еще терзало сознание, что я

нахожусь в полной власти этих извергов и бессилён что-либо сделать. «Сколько людей сегодня ещё подвергнутся таким же мучениям!» — думал я в отчаянии.

Не знаю, наступило ли уже утро, ибо свет в коридорах горел непрерывно, когда появился тюремщик и снял кандалы с моих ног. Он приказал мне встать. Со скованными руками, подталкиваемый сзади, я, качаясь, пошел по коридору. Первое, что мне бросилось в глаза, были четыре закованных в кандалы человека, стоявшие лицом к стене. Лишь потом я заметил группу гестаповских громил.

Вильке крикнул:

— Ну, теперь мы устроим очную ставку, мой друг! Вот твои сообщники!

При этом он сделал жест рукой, затем крикнул:

— Хеннинг, повернись-ка!

Черно-синее лицо с совершенно заплывшими глазами. Это был мой товарищ по борьбе Руди Хеннинг.

Вильке спросил меня:

— Знаешь его?

— Нет, не знаю.

Тут же последовал удар в лицо.

— Филиппи, повернись-ка ты!

Лицо, покрытое кровоподтеками. Это был Курт Филиппи.

И снова голос Вильке:

— А этого ты знаешь?

— Нет! — быстро ответил я.

Вильке снова поднял руку, но не ударил.

— Подожди, — сказал он ухмыляясь. — Сегодня ночью ты запоешь, как жаворонок! Уведите этого мерзавца!

Ударом ноги он отбросил меня.

Когда наступила ночь, Вильке приказал привести меня в звуконепроницаемую камеру; в ней сидели и два других палача. Вильке в течение нескольких секунд торжествующе смотрел на меня, наслаждаясь тем, что он держит меня, коммуниста, в своих руках. Затем заорал:

— Где спрятан передатчик?

Я ответил, что первый раз слышу об этом. Тогда

на меня обрушился град ударов. После этого я снова несколько часов лежал в камере в скрюченном положении. В течение целой недели каждую ночь Вильке вызывал меня и неизменно обращался с одним и тем же вопросом. И каждый раз получал все тот же ответ, затем меня избивали.

Возможно, Вильке постепенно понял, что таким способом он не достигнет цели, ибо однажды ночью изменил тактику. Он сделал попытку поймать меня врасплох.

— Ты, собака,—прошипел он,—ты же сделал передатчик! Твой товарищ Филиппи дал об этом официальное показание, занесенное в протокол! Он не был таким толстокожим, как ты, глупая свинья! На, читай!

Я действительно прочел это в протоколе и увидел подпись Филиппи. Это была его рука. Значит, он был предателем.

Так как и после этого от меня не добились показаний, то Филиппи снова привели на очную ставку. Я молча смотрел мимо этого подлеца. Филиппи скулил:

— Фриц, признайся же, тогда тебя также оставят в покое.

— Я никогда не имел отношения к передатчику. То, что имеет в виду Филиппи, был отремонтированный мной радиоприемник. Больше мне нечего сказать.

На этот раз меня не заковывали в кандалы в скрюченном положении. Ночные допросы также были прекращены, и я мог немного отдохнуть от мучений. После шестинедельного пребывания в этой гестаповской берлоге меня перевели в подследственную тюрьму на Элизенштрассе.

Глава шестая

В лейпцигской тюрьме «Элизенбург» я провел около месяца в строгой изоляции. А затем меня отвезли на «зеленой Минне»¹ к вокзалу и посадили в дрезденский поезд вместе с другими заключенными.

¹ Так называли полицейскую машину для перевозки заключенных.

ми. В Дрездене нас доставили в тюрьму «Матильденшлосс».

Это круглое строение до воздушного налета в феврале 1945 года¹ находилось на Матильденштрассе. До захвата нацистами власти оно много лет пустовало. Даже юстиция Веймарской республики считала недостойным содержать заключенных в сырых, холодных и темных камерах этого застенка. В тот период власти еще сохраняли видимость буржуазной демократии. Нацисты сразу же покончили с этой «сентиментальностью».

Меня втиснули в камеру, где даже в солнечный день было темно, так как толстые решетки и большой железный козырек перед окном почти не пропускали света. Еще одно отверстие (третье, считая дверь и окно) находилось в потолке. Оно было квадратным, с крепкой решеткой. Как впоследствии выяснилось, через него зимой в камеру поступало немного теплого воздуха.

Функции сторожей в этой тюрьме выполняли штурмовики. Но были и представители старого, уже много лет служившего, персонала веймарского периода, которые обращались с заключенными сносно.

Пища была настолько отвратительна, что зачастую ее приходилось выбрасывать. Хорошо, что на деньги, которые мне время от времени посылала жена, можно было изредка покупать немного сигарет и продуктов. Что касается спичек, то дважды в день мне давали через дверную щель прикурить от старого керосинового фонаря.

Каждые два-три дня нас, арестантов, выводили на прогулку во двор. Окруженные цепью штурмовиков, мы должны были маршировать по кругу на расстоянии пяти метров друг от друга. При этом нас заставляли делать по команде упражнения: руки вверх — руки вперед — руки в стороны и переходить на бег.

В этой тюрьме находились только политические заключенные: одни ожидали суда как обвиняемые,

¹ Речь идет о массированном воздушном налете американской авиации, в результате которого Дрезден был почти полностью разрушен и погибло несколько сот тысяч человек гражданского населения.

другие были собраны почти со всех частей Германии в качестве свидетелей по различным процессам.

После того как некоторое время я пробыл в одиночестве, ко мне поселили товарища из района Циттау. Он также ожидал решения по своему делу.

И опять мне не удалось избежать знакомства с дрезденским гестапо. После предательства Филиппи мне грозила очень серьезная мера наказания; поэтому я не испытывал ни малейшего желания усугублять свое и без того тяжелое положение и что-либо говорить дрезденским гестаповцам. Сначала меня привели к так называемому ассессору, который в общих чертах ознакомил меня с сутью предстоящего процесса. Я сделал вид, что все это дело меня вообще не касается, и не дал показаний. Это привело молодого человека в весьма возбужденное состояние. Он захлопнул папку, позвонил тюремщику, и меня снова отвели в камеру. Однако в тот же день, после полудня, меня опять вызвали на допрос. На этот раз в приемной оказались трое гестаповцев. Они попытались на свой манер выжать из меня необходимые данные. Как только я заявил, что уже дал показания в Лейпциге и ничего к этому не могу добавить, они набросились на меня как бешеные.

Прошло девять месяцев, когда мне наконец вручили обвинительное заключение. Я обвинялся в том, что установил и поддерживал связи между различными массовыми организациями и окружным руководством нашей партии, встречался с товарищами из Центрального Комитета, собрал и использовал нелегальный радиопередатчик. В моем распоряжении было десять дней, чтобы подготовиться к процессу. По этому делу к суду привлекались Густав Рейнгарт, Курт Ветцель и другие.

Несмотря на строжайшую изоляцию, мне удалось связаться с этими товарищами. Это произошло в бане. В царившей там суматохе мы сумели в течение нескольких минут договориться о единой линии поведения по важнейшим пунктам обвинения. Кроме того, я установил путем перестукивания связь еще с одним товарищем, обвинявшимся по нашему делу.

Перестукивание было распространенным средством общения в тюрьме. Как только прекращалось обычное контрольное патрулирование, выключался свет и сторожевые обходы в коридорах становились более редкими, начиналось перестукивание через стены. При помощи такого средства связи мы быстро узнавали о прибытии в тюрьму новых товарищей, получали информацию о положении в партии.

Глава седьмая

Наш процесс начался 10 декабря 1936 года.

Рано утром судебный чиновник вошел в камеру и сообщил, что заседание суда начнется в 10 часов и ему поручено взять у меня обвинительное заключение. Я ответил, что оно мне необходимо для защиты, нельзя же меня оставлять совершенно бесправным перед таким квалифицированным составом суда. Однако он пожал плечами и заметил: «Все равно вам влепят ничуть не меньше». Пришлось отдать написанное на 28 страницах обвинительное заключение, которое я хотел как документ оставить у себя.

Затем вошли два штурмовика и надели наручники. Вооруженные карабинами полицейские повели меня с товарищами в здание суда мимо друзей и родных. Мы приветствовали их, поднимая скованные руки.

В зале суда, как только мы заняли места на скамье подсудимых, с нас сняли наручники. Вскоре появились судьи. Это была первая коллегия по уголовным делам дрезденского суда под председательством Бауэра, еще до нашего процесса приговорившего многих честных борцов Сопротивления к сотням лет тюремного заключения, а некоторых и к смертной казни.

Этот процесс, как и все политические процессы нацистского периода, представлял собой комедию. Нашим официальным защитником был штурмовик; уже этим было все сказано. Заседание открылось фашистским приветствием, затем — при закрытых дверях — началось слушание дела.

Первое мое столкновение с судом произошло, когда эксперт заявил, что конфискованный при моем аресте коротковолновый приемник мог быть использован и как передатчик. Он даже утверждал, что на аппарате остались не вызывающие сомнения следы его использования. Это было уж слишком, и я заявил протест, подчеркнув, что представленный суду аппарат вижу впервые, и потребовал, чтобы были исследованы отпечатки пальцев. Согласие было дано, и на следующий день выяснилось, что отпечатки пальцев на аппарате не мои: работа в резиновых перчатках все же имеет свои преимущества.

Кульминационным пунктом процесса был третий день слушания дела. Суд вызвал из Вальдхейма в качестве обличающего нас свидетеля товарища, приговоренного к десяти годам тюремного заключения. Этот мужественный борец, возможно под влиянием героических примеров товарищей Эрнста Тельмана и Георгия Димитрова, отказался в нашем присутствии от всех данных им по нашему процессу показаний. Он добавил при этом, что в свое время дал их потому, что подвергся бесчеловечным истязаниям гестаповцев.

Было видно, что председателю суда стоило огромных усилий подавить в себе бешенство, вызванное бесстрашным поведением нашего товарища. Зато прокурор окончательно сбросил с себя маску добропорядочности, побагровел и заорал:

— Вы за это поплатитесь дополнительными годами тюрьмы, неисправимый красный негодяй!

Хотя основной обличающий нас материал был опровергнут, тем не менее хорошо оплачиваемые гитлеровские приспешники монотонно зачитали статьи обвинения.

Густав Рейнгарт, после того как прокурор отбарабанил текст своей речи, бросил ему в лицо:

— Вы проныра, вам не удастся одурачить старого коммуниста. Ведь приговор был уже готов до того, как театр начал свое представление. Вы палачи, и мы не ждем от вас пощады! Но подождите, придет день, когда вам придется за все расплатиться!

Рейнгарт проявил себя как замечательный подпольный работник. Он умер после шестилетнего тюремного заключения, которое отбывал в Вальдхейме.

Суд удалился на совещание. Наши официальные защитники также вышли, покачивая головами. Был объявлен перерыв. Под строгой охраной нас вывели в коридор и позволили курить. Мы могли приветствовать родных. Полицейские стали теперь более общительными. Они даже дали нам прикурить. Один из них при этом сказал:

— Вам здорово всыпят перцу!

— Мы же в их власти и бессильны что-либо сделать,— ответил я.— Ведь вы видели, как ведется процесс,— где же тут право и свобода!

Полицейский тупо уставился на меня.

Я получил пять лет тюрьмы, из них два года восемь месяцев одиночного заключения, за подготовку к государственной измене. Прокурор в своей обвинительной речи требовал для меня семь с половиной лет тюрьмы. Год предварительного заключения засчитывался в срок наказания.

После объявления приговора мы, обвиняемые, получили последнее слово. От имени моих товарищей я заявил:

— Суд не смог доказать инкриминируемые нам так называемые преступления против народа и государства. Обвинение построено на фальшивых, добытых вымогательством материалах — оно потерпело провал. Мы никогда не совершали преступлений против нашего народа и никогда их не совершим, поскольку принадлежим к лучшей части народа, к классово сознательному пролетариату. Если мы здесь защищались против фальшивых обвинений, то делали это не в своих личных интересах, а в интересах нашей партии. Наша партия не уничтожена и никогда не будет уничтожена. Она живет в Эрнсте Тельмане, в миллионах человеческих сердец, и придет день, когда она победит. То, что нами сделано, сделано ради лучшей Германии, ради свободы, ради мира. Всюду, где только будет возможность, до последнего часа мы будем бороться против национал-социализма, ибо он равнозначен гибе-

ли нашего народа. Поэтому мы не признаем вынесенного нам приговора. Придет день, когда он будет пересмотрен историей.

Прокурор пригрозил нам, что в отношении таких закоренелых коммунистов суд может по истечении срока наказания вынести решение о продлении тюремного заключения. Он повторил это несколько раз, после чего судебное заседание было объявлено закрытым. На нас снова надели наручники и отправили в тюрьму. Как только мы очутились в камерах, у нас изъяли книги, газеты и табак. Таким образом уже через несколько минут после объявления приговора к нам применили самый бесчеловечный режим.

Глава восьмая

Густая толпа стояла по обе стороны входа в здание дрезденского главного вокзала, когда нас, закованных в цепи и сопровождаемых полицейскими, вели к вагону для заключенных. На перроне были наши родные и знакомые. Лиза, моя жена, также пришла, чтобы проститься — на пять лет? на более долгий срок? навсегда?.. Кто мог это знать? Люди кивали нам, когда мы тяжелым шагом проходили через вестибюль. Многие женщины плакали. Взволнованные, но улыбающиеся, мы отвечали на приветствия поднятием скованных рук.

В вагонах нас втиснули в клетки без окон по два человека в каждую. Скоро мы почувствовали, что поезд тронулся. После многочасовой езды наконец прибыли к месту назначения, в Цвиккау. Машины, которые должны были доставить нас в тюрьму, уже были наготове. Со мной ехали еще пять товарищей по несчастью, из них трое также осужденные за политические «преступления».

Путь был недолог, и вскоре тяжелые тюремные ворота захлопнулись за нами. Невольно подумалось: если я останусь жив и здоров, то эти ворота должны открыться передо мной в тысяча девятьсот сороковом году.

Формальности по приему — отпечатки пальцев, измерения и т. д. — длились не слишком долго, затем я надел арестантский костюм: черные брюки и пиджак, по шву брюк широкие желтые лампасы, на левом рукаве пиджака желтая повязка.

Поскольку мне предстояло просидеть два года восемь месяцев в одиночке, меня направили в дом одиночного заключения. Старый угрюмый сторож принял меня и отвел на второй этаж, в камеру 58. Этот каменный мешок почти не отличался от тех, которые я знал по предыдущим тюрьмам.

Одиночное заключение означало, что я лишался книг, газет, работы — всего, чем можно было хоть как-нибудь занять себя. Раз в квартал мне разрешалось писать домой одно письмо и одно получить из дому. Я мог раз в три месяца просить о свидании с близкими. Однако окружной начальник разрешал свидание только при условии хорошего поведения. В тех случаях, когда Лиза получала разрешение видеться со мной, мы разговаривали в течение двадцати минут в особом помещении под надзором тюремщика. Время от времени нас, находившихся в одиночном заключении, водили во двор на прогулку. Мы маршировали на расстоянии двадцати метров один от другого и не имели права разговаривать или делать друг другу знаки. За нарушение правил нас могли наказать заковыванием в кандалы, лишением пищи и свиданий, запрещением писать письма. Мы обязаны были приветствовать тюремщиков отдаванием чести и поворотом головы. Раз в неделю нас брили и раз в месяц водили в баню; при этом менялось и белье. Какое это было замечательное ощущение — свежее белье!

Однако что значило все это в сравнении с душевными муками, которым подвергался человек день за днем, месяц за месяцем, долгие годы сдавленный серыми стенами: все тот же спертый воздух и глубокая мучительная тишина, все тот же неизменный распорядок.

Каждое утро в пять часов нас будил колокол. Мы должны были немедленно встать и подтянуть к стене «кровать» — железную раму с тоненьким матрасом из морской травы. Затем я принимался

подметать камеру маленьким веником. Каждый раз набиралось не больше наперстка пыли. Да и откуда было ей взяться? От тысячи шагов взад и вперед в течение дня или оттого, что я без конца вертелся ночью на своей жалкой проволочной постели? Потом я умывался остатком воды, сэкономленной от вчерашней порции в два литра. Тем временем приближался момент, когда в первый раз должна была открыться дверь. К этому времени кувшин для воды, совок для мусора, миску для еды и кофейную кружку следовало поставить у железной двери.

Все яснее было слышно, как в коридоре открывалась одна дверь за другой. Затем тюремщик остановивался перед моей камерой. Еще до того, как распахивалась дверь, я отскакивал к задней стене и отчеканивал утренний рапорт:

— Камера 58 занята одним человеком — все в порядке!

Тюремщик шел дальше, а я одним прыжком подскакивал к двери. Совок для мусора и кувшин для воды выставлялись в коридор, миску для еды и кружку я держал в руках. И так каждое утро. Как только тюремщик наполнял оба сосуда, необходимо было быстро поставить их на стол и броситься за кувшином с водой и пустым совком. Мешкать было нельзя, иначе сторож, захлопывая железную дверь, мог угодить тебе по спине.

Второй раз дверь открывалась через шесть часов. Все происходило тем же порядком, только на этот раз нужно было рапортовать: «Налицо один человек!» Днем суп был несколько гуще, но не давали хлеба. После того как заключенный, давясь, проглатывал безвкусную бурду, нужно было тщательно, используя минимальное количество воды, вымыть миску, кружку и ложку. Нож и вилку сидящим в одиночном заключении не давали. Нам отказывали в этих предметах вовсе не потому, что государство беспокоилось за нашу жизнь и здоровье, а потому, что его чиновники в случае самоубийства заключенного имели бы лишние заботы. Мы должны были использовать ручку ложки в качестве ножа в тех редчайших случаях, когда получали ничтожную порцию мармелада или маргарина.

Вечером, в шесть часов, церемония с миской и кружкой вновь повторялась, затем камера запиралась. После этого я приступал к вечерней прогулке: семь шагов вперед, семь назад. Примерно через два часа я прекращал это занятие и в течение нескольких минут, стоя у двери, прислушивался, пока тишина не убеждала меня в том, что, кроме дежурного ночного сторожа, поблизости никого не было. Тогда я доставал из проволочного сплетения железной койки спрятанный там карандаш и выстукивал вопрос моим соседям: есть ли новости? Часто и меня вызывали этим же способом и что-нибудь сообщали, а я должен был передать новость дальше. В двадцать один час свет выключался и тюрьма засыпала.

В это мучительное однообразие, несмотря на строгую изоляцию, все же время от времени врвалось дыхание жизни — наша партийная группа действовала.

Нелегальная группа состояла из товарищей, на которых не распространялся строгий режим одиночного заключения, и они могли работать в своих камерах. В нее входили Курт Зиндерман, Ганс Байер и Ганс Шлоссер. Если время и условия надзора позволяли, то они проводили свои заседания в камере, в которой стояла машина для изготовления пуговиц. Наиболее благоприятным для работы группы было время, когда дежурил «папаша». Этот смелый человек предостерег политических заключенных от многих опасностей, например, когда в нашу среду затесался провокатор.

Партийная группа поддерживала контакт с другими товарищами в доме одиночного заключения. Она помогала заключенным пополнить в тюрьме политические знания, доставала контрабандой газеты и тайком передавала их тем товарищам, которые, подобно мне, находились в строгой изоляции. Для этого использовали момент, когда по каким-либо причинам дверь камеры оставалась открытой. Товарищам, которым было запрещено писать, передавались карандаш и бумага. Если кто-либо из наших друзей попадал в карцер, группа собирала для него продукты, чтобы он мог быстрее восстановить силы.

Наступил 1938 год. Я отбывал второй год одиночного заключения, когда однажды (я никогда не забуду этой минуты) дверь камеры внезапно открылась и я увидел группу хорошо упитанных штатских, столпившихся вокруг «золотого фазана»¹. Вглядевшись пристальнее в человека в военной форме, я узнал в нем нациста Мучмана, имперского наместника Саксонии. Он просунул голову в камеру и сказал:

— Ну как, Зимон, все еще коммунист? Или наше национал-социалистское мировоззрение взяло верх? Теперь оно — достояние всей Германии!

Я ответил глухим, необычным для меня голосом:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Он мгновение посмотрел на меня и затем сказал:

— Ну, ведите себя хорошо, тогда вы еще познаете благодать третьего рейха.

Затем дверь закрылась. Мне было слышно, как этот спектакль повторился у соседней камеры.

«Я отказываюсь от вашей благодати! Я не хочу ничего знать о проклятом третьем рейхе, вы, преступники!» Эти слова хотелось прокричать им вслед, но рассудок подсказал, что я этим ничего не добьюсь, кроме тяжелого наказания.

Одна мысль не давала покоя: неужели Мучман прав и вся Германия поверила нацистам? Я снова и снова пытался представить себе положение в Германии, однако это не удавалось. Мучман, конечно, солгал — таков был мой вывод.

Наконец время одиночного заключения истекло.

Меня перевели в северный корпус тюрьмы и поместили в общую камеру. Как и все, я должен был ежедневно работать по десять часов. Меня окружали в основном уголовники. Мы выполняли разнообразную работу — теребили тряпье, плели канаты, клеили кульки, вытягивали из старых лоскутьев шелковые нити; занятия изрядно отупляющие. При этом охранники строго следили за тем, чтобы мы не разговаривали. Жизнь здесь едва ли была более легкой, чем в одиночном заключении.

¹ Автор употребляет это ироническое прозвище, так как мундир Мучмана был расшит золотом.

Вскоре произошло то, что предсказал немецкому народу Эрнст Тельман: «Кто выбирает Гитлера, тот выбирает войну». Германские фашисты зажгли пожар второй мировой войны, совершив нападение на Польшу. Это была трагедия немецкого народа, и мы не могли ей помешать.

В эти дни среди нас, арестантов, завязывались горячие споры и даже возникали серьезные столкновения, особенно с теми заключенными социал-демократами, которые все еще не хотели признать правильность предсказаний коммунистов. Слишком многие из них верили в теорию о неизбежном провале политики нацистов, выдвинутую правыми лидерами СДП. Они никак не хотели поумнеть! Все же нам удалось, опираясь на марксистско-ленинское мировоззрение, убедить многих из них в том, что новая эра в истории человечества была открыта в 1917 году Великой Октябрьской социалистической революцией. Уже в самом начале войны мы знали, что она закончится ужасной трагедией для немецкого народа, но мы знали также и то, что родится лучшая Германия, которая пойдет по пути социализма.

Множество волнующих известий первых месяцев войны проникало через тюремные стены, и мы спорили до изнеможения. Между тем приближался день, когда меня должны были освободить. Постепенно я начал психологически настраиваться на то, что скоро буду на свободе. Моя внутренняя связь с жизнью тюрьмы постепенно ослабевала. Хотя я и не отдавал себе в этом отчета, мое внимание все больше привлекали люди, во власти которых я находился много лет и которые превращали мою жизнь в ад.

Каждый тюремщик имел кличку. Одного мы прозвали Хакш (свинья). Хакш был среднего роста, с крючковатым носом, примерно лет сорока. Он всегда выискивал повод, чтобы подвергнуть нас наказанию. Но его умственные способности были весьма посредственными, и мы, как правило, обводили его вокруг пальца, о чем он догадывался лишь позднее. Тогда Хакш впадал в бешенство и разражался площадной бранью. Время от времени с ним случались прямо-

таки истерические припадки. Тогда он кричал, если это происходило в рабочем зале:

— Все наверх!

И заключенные должны были вскакивать со своих скамеек. Затем следовала команда:

— Задраить люки!

Это значило, что нужно было закрыть окна. Следовала новая команда:

— Марш за переборки!

Все должны были выбежать в коридор и повернуться лицом к стене. Иногда мы целый час стояли и слушали грязную брань. Бывало и так, что Хакш прибегал к рукоприкладству. Он предпочитал издеваться над нами по воскресеньям, когда согласно тюремному распорядку заключенным разрешалось использовать свой досуг для игры в шахматы, чтения писем и тому подобных занятий.

Другого тюремщика мы называли «утка». Уже внешне он производил отталкивающее впечатление. Его мундир был всегда запачкан остатками пищи и покрыт грязными пятнами. Карабин, который носил каждый дежурный, все время сползал ему на брюхо. Время от времени он рывком вскидывал его на плечо, но стоило ему сделать несколько шагов своей вихляющей походкой (отсюда и прозвище «утка»), как карабин снова соскальзывал на брюхо.

К разряду особо отвратительных тюремщиков относился штурмовик по прозвищу «запах проститутки». Это был тридцатилетний, всегда сильно надушенный тип, с печатью подлости на лице. С недоверчивым, подстерегающим взглядом, он непрерывно выискивал жертвы и сразу же доносил на них тюремному начальству. «Запах проститутки» часто доносил на тех, кто вел себя совершенно безупречно, утверждая, что они приветствовали его не по форме, вели политические разговоры или плохо работали. Всякий раз после его дежурства многие заключенные вызывались к начальнику тюрьмы и получали наказания.

Другого тюремщика мы прозвали «шаровидная молния». Это был довольно безобидный малый. Он вечно спал. «Шаровидной молнией» его называли потому, что он был маленького роста и круглый как

шарик, но меньше всего походил на молнию. Когда «шаровидная молния» дежурил, это был хороший день: мы могли заниматься чем угодно и вести политические разговоры.

«Теперь вам, тварям, уже не удастся долго меня мучить», — думал я в последние недели перед освобождением. Меня занимал вопрос, что я буду делать на свободе. Много планов теснилось в голове, но ни один из них не принимал конкретных очертаний, кроме непоколебимого решения поступать, как и прежде, в соответствии с моими взглядами коммуниста.

Подобные размышления не мешали мне заниматься политической работой среди заключенных. Именно в эти дни, когда нацистская военная машина одерживала одну победу за другой, особенно важно было поддерживать тех из нас, кто под влиянием шовинистического угара, проникавшего и в нашу тюрьму, начинал сомневаться в успехе правого дела.

Глава девятая

Наконец наступило 13 августа 1940 года — день моего освобождения. В новеньком, с иголки, костюме, присланном мне женой, я сидел в камере для выходящих из тюрьмы в ожидании последних формальностей. Радостно возбужденный, я беспрестанно вскакивал и взволнованно шагал по камере. Картины будущего непрестанно возникали в моем воображении. Я не слышал, как открылась дверь: появившийся тюремщик приказал мне следовать за ним. Предстоял «прощальный визит» начальнику тюрьмы.

Господин Рейнике принял меня в рабочем кабинете. Несколько минут он молча перелистывал бумаги, что породило во мне некоторое беспокойство. Затем с оттенком соболезнования сообщил, что я не могу быть выпущен на свободу, поскольку гестапо приказало препроводить меня в полицейско-президиум Лейпцига. После небольшой паузы он добавил, что, как он полагает, там меня освободят. Было

ясно: Рейнике отлично знал о том, что мне предстоит.

После столь ошеломляющего сообщения меня отвели обратно в камеру. Вскоре появился полицейский и, несмотря на решительные протесты, надел на меня наручники. Меня отвели на тюремный двор, где стоял полицейский автомобиль. Как только я сел, машина тронулась в путь. Медленно закрылись тяжелые тюремные ворота. Меня привезли на железнодорожный вокзал Цвиккау, откуда в вагоне для заключенных доставили в Лейпциг.

Поезд прибыл ночью. «Зеленая Минна» отвезла меня в полицей-президиум, где я был препровожден в камеру одиночного заключения.

На следующий день меня привели к начальнику гестапо. Он предложил расписаться под приказом следующего содержания: «Фриц Зимон после отбытия наказания подлежит аресту и направлению в концентрационный лагерь, поскольку можно предполагать, что он снова займется деятельностью в целях и интересах запрещенной КППГ».

Разумеется, я отказался поставить подпись на этом документе, сославшись на то, что это означало бы признание за собой новой вины. Начальник гестапо равнодушно пожал плечами и сказал:

— Ну хорошо, если вы не распишетесь, то вас не выпустят из тюрьмы. Впрочем, мы можем вам кое в чем помочь, тогда вы будете более покладистым!

Я слишком хорошо понимал смысл этих слов. Мгновенно вспомнилось все, что произошло несколько лет назад. Должен ли я снова подвергать себя пыткам и мучениям... Имело ли смысл отказываться от подписи?

Начальник гестапо не спеша поднялся и угрожающе произнес:

— Свидания ты так или иначе не получишь! Вообще будет лучше, если ты сразу повесишься, тогда избавишь себя от многого, да и нам будет легче. Живым тебе все равно не выйти из концлагеря!

Этот негодяй злорадно наблюдал за действием своих слов.

«Неужели все было напрасно», — стучало в моей голове. Оттянуть конец! Оттянуть! Я подписал. После чего начальник гестапо заверил меня, что разрешит увидеться с женой до отправления в концентрационный лагерь. На этом разговор закончился, и я был отведен в камеру.

Несмотря на мрачное настроение, вызванное мыслями о концлагере, во мне теплилась надежда. Завтра — 15 августа, мне исполнялось 37 лет, и я рассчитывал наконец снова увидеть Лизу, поговорить с ней, вдохнуть в нее мужество, помочь ей выдержать новые испытания. Поймет ли она меня до конца, передастся ли ей моя вера в лучшее будущее?

Я, конечно, не думал, что годы насильственной разлуки надломили жену, но она могла утратить веру в мое спасение. Действительно, что ждало меня? Оживало воспоминание о Кольдице. Оно дополнялось тревожными сведениями, которыми я располагал о концлагерях. Я вспоминал слова одного из товарищей:

— Будь доволен, что находишься в тюрьме. В концлагере ты каждый день должен бороться за свою жизнь.

И затем этот совет насчет самоубийства, данный мне несколько часов назад. Я не мог заснуть и с ужасом думал о том, что мне предстоит завтра, когда я увижу Лизу.

Еще ничто не предвещало наступления нового дня, когда дверь камеры с грохотом распахнулась и раздалась грубая команда:

— Подготовиться! Выходить немедленно!

Выйдя в коридор, я не сразу определил, что происходило: яркий свет ослепил меня. Мне скрутили руки, и что-то звякнуло; холодная сталь замкнулась на суставах. Что это могло значить? Почему со мной вдруг стали так обращаться? И сразу кольнула мысль: убьют. Но этого не случилось. Меня вывели во двор и втолкнули в полицейскую машину. Было половина четвертого утра, когда мы выехали.

Гнев и горечь охватили меня. Я был бессовестно обманут, мне не разрешили повидаться с Лизой. Видимо, негодяи опасались, как бы издевательства,

которым они подвергали честных рабочих, не стали достоянием общественности.

Машина остановилась у главного вокзала. Эскортируемый двумя полицейскими, я прошел через большой вокзальный зал и поднялся на платформу. Как только мы вышли на перрон, нам повстречался один из моих старых боевых соратников — Курт Ленц. Он тотчас же узнал меня и вздрогнул. Полицейские ничего не заметили. Курт еще раз повернулся и обогнал нас, чтобы иметь возможность снова меня встретить. Он проделал все это очень ловко. Я заметил, как его пальцы сжались в кулак, а глаза молча послали прощальный привет. Это был последний привет, унесенный мной из родного города.

Меня привезли в Берлин и заключили в полицейскую тюрьму на Александерплац. На следующий день я познакомился с центральным управлением гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. От меня хотели получить сведения о нелегальной деятельности одного гамбургского функционера, который в 1935—1936 годах работал в Лейпциге. Я, конечно, сказал, что ничего не могу о нем вспомнить. За эту «потерю памяти» меня «наградили» багровым синяком под распухшим глазом. Следующей ночью допрос продолжали другие гестаповцы. Меня не били, обещали свободу, если я во всем признаюсь. У тебя, сказали они, будет достаточно времени для размышлений, пока не попадешь в печь концентрационного лагеря Ораниенбург (Заксенхаузен).

После того как они убедились, что напрасно тратят время, меня отправили обратно на Александерплац. Там я провел еще пять дней, а затем вместе с другими товарищами по несчастью под сильным полицейским конвоем был переправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен.

Когда ворота огромного барачного города закрылись за мной, я вспомнил слова одного берлинского товарища, который уже провел в Заксенхаузене больше года и был, как и я, доставлен на Александерплац для допроса.

— Оставьте всякую надежду, товарищи! Лучше отсидеть еще пять лет в тюрьме, чем снова вернуться в этот крошечный ад!

Глава десятая

Нас заставили построиться у лагерного барака лицом к стене. Мы не простояли и минуты, как раздалась команда:

— Согнуть колени! Руки на затылок!

Мы узнали позднее, что это было так называемое «саксонское приветствие». После того как заключенные просидели на корточках добрую четверть часа, тот же голос прокричал:

— Встать, молодчики! Вперед марш!

Длинный как жердь унтершарфюрер СС с крючковатым носом и кожаной плетью в руке повел нас к приемному барaku, находившемуся в другом конце лагеря. Тем временем начался дождь. Мы едва успели пробежать несколько шагов (это было нелегко, поскольку от долгого сидения на корточках ноги одеревенели), как верзила с плетью вновь заорал:

— Лечь на землю!

Последний из нас еще только падал, как снова раздалась команда:

— Встать, марш, марш!

Это было начало первого адского танца. Мы вставали и падали; прыгали, как лягушки, перекатывались по мокрой земле.

— Встать, марш, марш!

Не было возможности передохнуть. И все это сопровождалось пинками и ударами плетью. Покрытые с ног до головы грязью, изнуренные, едва переводя дыхание, мы наконец добрались до приемного барака. Некоторые были так обработаны плетью, что едва держались на ногах.

Нас снова построили лицом к стене барака и заставили сделать «саксонское приветствие». Эсэсовский громила назвал все это «спортом». Он подошел к крайнему в шеренге заключенному и спросил:

— Ты за что здесь?

Последовал ответ:

— Я этого не знаю.

Послышался удар и глухой звук падающего тела; затем наступила зловещая тишина.

Тот же вопрос был задан второму в нашем ряду. Он ответил:

— Еврей, жил в Берлине, шестьдесят восемь лет, не знаю.

Пощечина свалила старика на землю. Эсэсовец выхватил пистолет и прорычал:

— Ты, старое вонючее животное, достаточно прожил на свете — читай свою молитву!

Раздался выстрел. Затем мы слышали звук, как будто молотком стукнули по горшку, и хрипение. Эсэсовец ударил старика пистолетом по голове и раскроил ему череп.

Теперь был мой черед. Наученный горьким опытом моих предшественников, я встал навтыяжку и ответил, как мог, по-военному четко:

— Обвинен в государственной измене, отбыл пять лет тюремного заключения, коммунист!

— Вот это правильно сказано, поняли вы это, навозные чучела? Так следует отвечать!

Затем он повернулся ко мне и сказал:

— Смотри, мы тебя здесь живо укротим, красная свинья!

Ударом в подбородок он свалил меня на землю.

— Встать, проходи!

От удара ногой я влетел в барак.

Здесь дело пошло быстро: данные о личности — раздеться догола — остричь волосы. Прежде чем я успел осознать, что происходит, на меня напялили полосатую куртку.

Надсмотрщик с нарукавной повязкой «посыльный» повел группу заключенных в проходной барак, где наконец нас оставили в покое.

В бараке размещалось сто шестьдесят заключенных, он был отделен от остального лагеря колючей проволокой. Когда мы немного пришли в себя, староста блока посвятил нас в лагерный распорядок. Затем мы получили первую в концлагере пищу: пол-литра кипятку, в котором плавало несколько зернышек крупы, и триста граммов заплесневелого хлеба.

В проходном бараке жизнь была сравнительно спокойной; нас только гоняли ежедневно в течение часа по двору и днем больше не тревожили. Но едва лишь заключенные ложились вечером на нары, как дверь барака распахивалась и кто-нибудь из эсэсовцев орал:

— Всем встать! Построиться перед баракom, марш, марш!

При этом каждый раз возникала настоящая паника, через две минуты сто шестьдесят человек в рубахах и кальсонах стояли как истуканы перед баракom. Не проходило и трех секунд, как вновь раздавалась команда, создававшая бестолковую суматоху:

— Всем по местам, марш, марш!

И так повторялось до тех пор, пока пьяным эсэсовским болванам это не надоедало.

Из наших окон хорошо просматривался барак, где жили евреи. Он был расположен напротив и также огорожен колючей проволокой. Мы видели, как люди, больше напоминающие скелеты, с раннего утра до позднего вечера стояли перед зданием. Они могли входить в барак лишь на несколько минут для еды, а также для сна, если их не заставляли, что бывало довольно часто, стоять снаружи в течение всей ночи.

Чтобы сделать существование евреев еще более тяжелым, эсэсовцы назначили старостой блока отпетоуголовного преступника. Этот скот не только отнимал у заключенных значительную часть их и без того скудного пайка, но избивал и топтал ногами слабых и больных, от чего они нередко тут же умирали. Трупы затем сжигались в крематории.

Тревога овладевала всем лагерем, когда становилось известно, что в ворота входили самые жестокие из эсэсовских бестий — «железный Густав», «пистолетный Шуберт», Кампе или Марквард. Эти изверги обычно заставляли заключенных выстраиваться перед баракom, а затем проходили вдоль фронта, выбирая жертвы. Несчастных избивали с какой-то тупой, иступленной яростью. Самым изощренным садистом слыл «железный Густав»; его настоящая фамилия была Зорге. Он всегда надевал кожаные перчатки, чтобы не запачкать руки кровью заключенных. Его излюбленный прием заключался в том, чтобы свалить одним ударом кулака сразу нескольких заключенных. Если это удавалось, то физиономия Зорге светилась сатанинской радостью. Зорге только тем и занимался, что придумывал все новые

и новые пытки. Товарищ Хельригель, работавший некоторое время в команде, которую возглавлял Зорге, как-то рассказал мне об одной особенно дьявольской выдумке этого зверя.

Однажды «железному Густаву» попался на глаза политический заключенный, едва державшийся на ногах от слабости. По указанию Зорге был насыпан земляной холмик, на который посадили больного. Тогда эсэсовец собрал самых отпетых уголовных преступников и приказал им бросать в несчастного камнями и комьями земли до тех пор, пока тот, истекая кровью, не свалился замертво. «Железный Густав», смеясь, назвал эту казнь «памятником рабочему».

Глава одиннадцатая

Самая бесчеловечная и отвратительная жестокость процветала в бараке штрафной роты, находившемся рядом с еврейским бараком.

Если в целом лагерная жизнь была медленным умиранием, то штрафную роту можно было назвать адом в аду. Туда могли направить заключенного за малейшее нарушение лагерного распорядка. Но бывало и так, что в нее попадали без всяких на то оснований. Штрафную роту называли также «командой смертников».

Штрафники ежедневно проделывали двенадцатичасовую бессмысленную работу, истощавшую душу и тело. Заключенные, например, должны были непрерывно тянуть вокруг строевого плаца тяжелый, наполненный камнями железный каток, а сидевший на катке капо¹ время от времени колотил их палкой.

Одна команда штрафной роты работала по очистке лагерных уборных. Я видел собственными глазами, как по приказу эсэсовского надзирателя заключенные должны были черпать жижу из уборной своими фуражками. Другая команда непрерывно перевозила умерших из морга и лазарета в крематорий.

¹ Бригадир, старший рабочий из среды заключенных.

Все работы в штрафной роте производились с применением самых грубых методов принуждения. Зато дневной паек штрафников был урезан на одну треть, так что каждого из этих несчастных непрерывно терзал голод. Все это дополнялось систематическими истязаниями, которые для устрашения остальных заключенных производились публично и по любому поводу (например, заключенных подвешивали за связанные за спиной руки или избивали на специальной плахе плетьюми).

Многие заключенные, погибшие в штрафной роте, может быть, перенесли бы эти адские мучения, если бы они по крайней мере в бараке могли немного отдохнуть. Однако староста блока, специально для этой цели отобранный эсэсовцами, не позволял им отдыхать.

В период моего пребывания в Заксенхаузене старостой блока был уголовный преступник Кранкеман. Мне иногда приходилось слышать предсмертные крики его жертв, когда он струей воды из шланга бил в грудь этих несчастных до тех пор, пока они не падали замертво. Кранкеман получал указания от эсэсовцев и выполнял их точнейшим образом. Во всех замыслах Кранкеману помогали два помощника по бараку, не уступавшие ему в извращенной жестокости. Когда Кранкеман получал от эсэсовцев указание прикончить кого-либо из заключенных, то он запирали их, иногда несколько человек сразу, в помещение, известное в лагере под названием «чулан для метелок». Это была каморка в два квадратных метра, без окон и с наглухо задраенной дверью. Заключенные умирали мучительной смертью от удушья. Других он умерщвлял, засовывая их головы в чан с водой. Третий он ночью вешал на балке в уборной, а утром объявлял, что они покончили жизнь самоубийством. «Самоубийство», «ослабление сердечной деятельности» и «застрелен при попытке к бегству» — вот типичные объяснения причин смерти, которые давались родственникам убитых.

Позднее, в 1942 году, когда меня уже не было в Заксенхаузене, я узнал от двух товарищей, которые были переведены в лагерь Нойенгамме в качестве переводчиков, что убийца и палач Кранкеман был

перемещен в Аушвиц (Освенцим), но там его опознали заключенные и убили. Некоторое время спустя его труп был найден в выгребной яме при чистке уборной. Его судьи остались неизвестными. Лагерное начальство даже не пыталось их разыскивать.

Глава двенадцатая

Однажды мои друзья, уже давно находившиеся в Заксенхаузене, сказали, что меня собираются перевести в штрафную роту. Чтобы избежать этого, необходимо было непременно попасть в транспорт, через несколько дней отправлявшийся в Северную Германию для строительства нового лагеря.

Товарищи, работавшие в канцелярии, сделали так, что однажды утром меня вызвали и приказали вместе с другими построиться на площади. Мне сунули немного сигарет, продуктов, и вот я уже стоял среди тысячи заключенных, готовый в путь. Транспорт — это слово имело в лагере зловещий смысл. Узники никогда не знали, куда их отправят. Они боялись, что на новом месте им будет еще хуже, и ломали голову над тем, что их ждет. Всегда теплилась надежда, что и там будут люди, с которыми можно найти общий язык.

Нас затолкали в вагоны для перевозки скота. Началось путешествие в неизвестность. Большинство заключенных были поляки и чехи. В течение трех дней пути мы не получали пищи. В Бергедорфе, около Гамбурга, мы покинули вагоны и направились пешком в Нойенгамме.

Этот марш означал для многих смерть: двести сопровождавших нас эсэсовцев без помех творили зверства. Они беспощадно колотили прикладами карабинов по головам заключенных, особенно шедших с краю. Начиналась беготня, ожесточенная борьба за места в середине колонны. И в этой спровоцированной сутолоке непрерывно раздавались выстрелы. Убитых и раненых мы должны были тащить с собой. Когда колонна вошла в маленькое село Нойенгамме, на улице не было ни одного человека. Все попрята-

лись по домам, и лишь наиболее храбрые стояли у окон, о чем можно было догадаться по колышущимся занавескам.

Так мы дошли до огромного болотистого поля, на котором строился лагерь. Около трехсот заключенных прибыли сюда за несколько дней до нас и возвели два барака и навес, под которым стояли две полевые кухни. Марш стоил нам двадцать убитых и шестьдесят раненых. Мы положили раненых на мокрую болотистую землю, и никто не мог оказать несчастным помощь. Многие из них наверняка остались бы в живых, если бы был перевязочный материал. Однако эсэсовцы бесстрастно взирали на страдания людей и рычали:

— Так и должно быть! Это научит вас дисциплине!

Когда настала ночь, холод заставил нас сбиться в кучу. Так под открытым небом мы пробыли до утра. Мой товарищ Рихард Лоренц, стуча зубами от холода, прошептал:

— Слушай, Фриц, недалеко отсюда находится лагерь Эхтервеген, в нем не хуже, чем здесь. Но там лишь немногие выдерживают больше года. С нами наверняка будет то же самое.

Я, дрожа от холода, постарался ободрить его:

— Не отчаивайся, Рихард, мы должны пережить все это!

Я почувствовал, как он посмотрел на меня в темноте недоверчивым взглядом, и сказал:

— Подумай, Рихард, сколько песен было сочинено заключенными, бывшими до нас в этом аду. Вспомни слова: «...после всех бедствий нам снова сияет утренняя заря!»

Местность, на которой строился лагерь, представляла собой болото, окруженное рвами с водой. Здесь часто шли дожди. Гонимый холодным морским ветром, дождь хлестал в лицо и проникал сквозь тонкую тиковую одежду. Изо дня в день по колено в грязи, с раннего утра до позднего вечера мы метр за метром осушали почву, привозили щебень, песок и цемент, бетонировали площадки для будущих бараков.

Охранявшие нас эсэсовцы были одеты в дождевые плащи и непромокаемые высокие сапоги. Они

всегда держали наготове длинные плети, и на того, кто пытался хоть немного передохнуть, сыпались безжалостные удары. А тот, кто падал от слабости, немедленно погибал: тяжелые сапоги охранников зверски топтали его, и часто треск костей заглушал хрипение умирающих. Дважды в день нам выдавали пищу. Она состояла из безвкусного теплого водянистого супа, пятисот граммов заплесневелого хлеба и мизерного количества мармелада или маргарина. Не проходило дня без того, чтобы кто-нибудь не умирал. Многие предпочитали смерть этому мучительному существованию. Они бежали на цепь сторожевых постов, и их поражал выстрел охранника. Счастливы были те, кого убивали сразу. Раненые лежали по нескольку часов в грязи, мучаясь и не получая помощи, пока смерть не приносила им избавления. За два месяца в лагере погибло свыше двухсот пятидесяти заключенных.

Чем быстрее разрастался лагерь, тем более неотложной для немецких политических заключенных становилась задача — занять надежными товарищами как можно больше важных постов в лагерном управлении. Мы знали по опыту, что движение Сопротивления в лагере, даже если оно и является пассивным, не может быть успешным без источников информации. Посты, на которые мы хотели поставить наших людей, были следующие: староста лагеря, старосты барачков, санитары в лазарете, рабочие кухни, продовольственных складов, сапожной и портняжной мастерских, служащие канцелярии и должности капо на всех сколько-нибудь важных участках.

Глава тринадцатая

Из заключенных, пришедших вместе со мной в это болотистое место, а также позднее прибывших, примерно лишь каждый пятый был немец. Остальные являлись уроженцами стран, оккупированных немецкими фашистскими войсками к осени 1940 года. Принадлежность заключенных к той или иной нации можно было определить по знакам различия:

у поляков на правой стороне куртки был нашит красный треугольник, а на левой стороне брюк номер; у чехов был красный треугольник и над ним номер. Евреи носили звезду, составленную из желтого и красного треугольников, и под ней номер. Кроме того, в лагере были французы, бельгийцы, голландцы, греки, итальянцы и норвежцы; у них на красном треугольнике стояли начальные буквы их нации и под ним номер.

Немцы, в соответствии с их «проступками», имели свои знаки различия. Одни носили зеленый треугольник и под ним номер — это были профессиональные уголовные преступники, сокращенно называемые «BV». Те, для которых заключение было лишь превентивной мерой, были отмечены зеленым треугольником острием кверху и дополнительно буквами «SV». «Асоциальные» элементы можно было отличить по черному треугольнику и номеру под ним. Гомосексуалистов отмечали розовым треугольником и большой желтой цифрой 175 над номером. Одну из самых малочисленных групп составляли заключенные, присланные в лагерь для перевоспитания: провинившиеся нацисты, которые должны были здесь «образумиться». У них над номером был голубой треугольник. Затем следовали мы, «красные», — «государственные изменники». Многие из нас были арестованы и направлены в лагерь без суда, просто по подозрению в нелегальной политической деятельности. Мы носили красный треугольник над номером. К «красным» нацисты причисляли также тех, кто читал нелегальные газеты или слушал запрещенные радиопередачи.

Все эти группы заключенных строили бараки и помещения для эсэсовцев. Ценой их крови и пота вырастала стена за стеной. Они воздвигли корпуса клинкерного завода, крематорий, соорудили осветительные установки, построили пресловутый «тир»¹ и так называемый индустриальный двор — это были места, одно упоминание о которых вызывало ужас.

Издаваться над заключенными эсэсовцам помо-

¹ Помещение, в котором эсэсовцы расстреливали заключенных,

гали профессиональные уголовники. Среди них было немало тварей, которые ради личных выгод и милости охранников были беспощадны. Часто приходилось наблюдать, как уголовники, подстрекаемые эсэсовцами, калечили и убивали заключенных. Особый произвол свирепствовал в отношении поляков и чехов. Я не раз видел, как эсэсовцы натравливали уголовников на тех чехов или поляков, у которых были золотые зубы. Несчастливого заталкивали в ров с водой и там приканчивали. Убийца ударом сапога выбивал зубы, а затем передавал добычу ожидавшему в стороне эсэсовскому «заказчику».

Заключенным удавалось предотвратить слишком большой рост таких преступлений путем обезвреживания некоторых из уголовников. Эти типы большей частью были капо и занимали в бараках особое положение. Иногда ночью по сигналу пять или шесть крепких товарищей прокрадывались в угол, занимаемый капо. На секунду вспыхивал свет фонаря, чтобы схватить именно того, кого следовало; затем на уголовника накидывали одеяло и в течение нескольких минут беспощадно избивали. Наутро он уже не мог подняться и несколько дней лежал в бараке. Если и после этого уголовник не бросал свое кровавое ремесло, то в одну из ночей его стаскивали с постели, затыкали рот кляпом, уносили в уборную и вешали. Эсэсовцы никогда не допытывались о причинах смерти; они всегда принимали версию о самоубийстве.

Лагерь разрастался. Крупные транспорты доставляли все новых и новых заключенных, чтобы заполнить бреши, образованные убийствами и болезнями.

Особенно большой была смертность зимой 1941 года. Холода, отвратительное питание и отсутствие теплой одежды вызвали у многих воспаление легких и другие тяжелые заболевания. Те, кого не сломили болезни, голод и холод, погибали от частых «спортивных мероприятий», которыми развлекались пьяные эсэсовцы.

В это время года котлованы для фундаментов крупных зданий всегда наполнялись подпочвенной водой. Эсэсовцы часто сгоняли туда заключенных, заподозренных в чем-нибудь во время переклички.

Несчастных заставляли прыгать в ледяную воду. Когда обреченные на смерть пытались выкарабкаться, палачи наступали коваными сапогами им на руки и лицо и загоняли плетью обратно. Если кто-либо случайно проходил мимо котлована, то один из эсэсовцев срывал с него головной убор и бросал его в воду. Узник получал приказ немедленно достать шапку. И так повторялось несколько раз. В результате несчастный простужался и через несколько дней умирал.

Такими садистскими методами достигалась массовая смертность. Даже для нас, привыкших к человеческому горю, было потрясающим зрелищем, когда утром при построении на переключку обитатели барачных выносили больных и умерших и складывали их в ряды перед строем. На переключку, невзирая на состояние здоровья, должен был явиться каждый. Поскольку слишком маленький лазарет лагеря едва вмещал тяжелобольных, то они вместе с тяжело ранеными лежали в бараках. Нередко случалось, что заключенный не выдерживал длившейся часами при любой погоде переключки и умирал.

Глава четырнадцатая

Разнообразные методы уничтожения заключенных в нацистских концлагерях, о которых до сих пор шла речь, были неофициальными, поскольку не фиксировались в инструкциях, а были «частной инициативой» фашистских извергов. Что касается официальных методов, носивших не менее жестокий характер, то их точно определяли в правилах лагерного распорядка под рубрикой «наказания».

Существовало пять видов наказаний. Самое мягкое — двадцать пять палочных ударов. Оно назначалось за все виды «недисциплинированности», например за плохое приветствие.

Если кто-либо совершил так называемый проступок, то эсэсовец отмечал номер и имя заключенного и доносил на него. Провинившиеся должны были в день рапорта о наказаниях, который обычно отда-

вался два раза в неделю, построиться перед помещением дежурного по лагерю лицом к стене барака. Затем заключенный входил в канцелярию и докладывал:

— Заключенный номер... явился.

Дежурный начальник лагеря или его заместитель орал:

— Какой проступок совершил?

— Я курил на работе!

— Двадцать пять палочных ударов, вон!

Кто отделивался этим, считал себя счастливым, ибо нередко можно было дополнительно «заработать» пощечины или удары плетью по лицу. Если заключенный осмеливался оспаривать «проступок», то горе бедняге: его избивали до тех пор, пока он не валился с ног.

Рапорты о наказаниях назывались в лагере «платежными днями». А о том, чтобы мы всегда побольше «получали платы», заботились одетые в эсэсовскую форму твари. Они соревновались в доносах на заключенных. Особо «отличившиеся» получали поощрения: внеочередные отпуска, а в некоторых случаях даже крест за боевые заслуги.

Для наказания палками и плетью было построено специальное сооружение, так называемый козел. Это было приспособление высотой в метр. Заключенный должен был лечь на него так, чтобы тело в его задней части образовало угол; ноги ему зажимали особым приспособлением, а вытянутые руки привязывали кожаными ремнями. В таком положении нельзя было даже пошевелиться. Направо и налево от «провинившегося» становились два эсэсовских палача, вооруженные один кожаной плеткой, другой бамбуковой палкой. Эсэсовцы били сильными, размашистыми ударами. Избиваемый должен был громко считать каждый удар. Если он сбивался со счета или замолкал от боли, то палачи наносили удары сверх предписанного количества или сами начинали считать сначала. Если заключенный терял сознание, то его обливали водой до тех пор, пока он не поднимал голову.

Другим наказанием было вздергивание на дыбу. Это одна из самых жестоких средневековых пыток.

Заключенному связывали руки за спиной и вздергивали за руки на крюк. В таком положении его оставляли висеть от тридцати до пятидесяти минут. Мучения, испытываемые при этой пытке, невозможно передать словами.

От рывка при вздергивании плечевые суставы выворачивались. Это нарушало кровообращение, дыхание становилось тяжелым. Веревки или цепи глубоко впивались в тело, руки начинали неметь. Через несколько минут боль настолько усиливалась, что во рту появлялась пена, а на лице выступал обильный пот; перед глазами плясали красные круги. Чтобы не закричать, приходилось до крови кусать губы. Для усиления этих и без того нечеловеческих мук палачи время от времени подталкивали несчастного или привязывали к его ногам тяжелую гирю. Многие узники, подвергшиеся этой пытке, нередко умоляли эсэсовцев пристрелить их, но те только ухмылялись. Жертвы лишь тогда получали некоторое облегчение, когда впадали в глубокий обморок.

Мне пришлось однажды висеть на дыбе двадцать минут.

Когда время истекало и заключенного развязывали, он вновь корчился от ужасной боли, ибо кровь опять прилиwała в омертвевшие члены. Нередко последствиями этой пытки были постоянное растяжение сухожилий или паралич.

Я часто бывал свидетелем того, как заключенные получали двадцать пять палочных ударов, а затем вздергивались на дыбу. Раны, полученные в результате двойного наказания, были настолько тяжелыми, что истязуемые уже не могли от них оправиться и умирали через несколько дней. Я никогда не видел, чтобы заключенных, получивших ранения, направляли в лазарет. Иногда нам, на свой страх и риск, удавалось оказать им врачебную помощь: это было частью работы по сопротивлению.

Третий вид наказания — арест; к нему, как правило, приговаривали на срок не меньше месяца. Заключенного запирали в маленькую, пустую, почти совершенно темную каморку. Он получал хлеб, воду и лишь иногда немного теплого супа. Зато его ежедневно подвергали издевательствам, целыми сут-

ками не давали пищи, заковывали в кандалы, подвешивали за руки на крюк.

Четвертым видом наказания было назначение в штрафную роту. Еще во время пребывания в Заксенхаузене я кое-что узнал о положении заключенных в этом подразделении, однако лишь в Нойенгамме получил о нем более полное представление.

Штрафники размещались в бараке, отделенном от остального лагеря забором из колючей проволоки. Они должны были выполнять особо тяжелые работы и получали при этом меньше пищи, чем мы. После возвращения вечером с работы они подвергались непрерывным придиркам и преследованиям. При суровом климате, свойственном этой части Северной Германии, заключенные, организм которых был ослаблен в результате многолетнего пребывания в концлагере, гибли от непосильного труда и лишений. В Нойенгамме смертность была еще выше, чем в Заксенхаузене.

Если заключенному все же удавалось выжить в штрафной роте и его должны были освободить по истечении назначенного срока, то он в обязательном порядке являлся к начальнику лагеря или коменданту. Его спрашивали, хорошо ли с ним обращались. Если он, несмотря на то что превратился в скелет и был истерзан, не отвечал «да», то срок пребывания в штрафной роте продлевался. Некоторым заключенным, явившимся к лагерному начальству с большими гноящимися ранами, оборванными и грязными, цинично говорили:

— Стань сначала приличным человеком, тогда мы сможем еще раз поговорить о твоём освобождении!

Такое напутствие было равносильно смертному приговору. Несмотря на безвыходное положение, большинство заключенных до последней минуты ожесточенно боролись за жизнь. Но лишь одиночкам удалось вырваться живыми из этого ада благодаря помощи нелегальной партийной группы.

Наконец, пятым видом наказания была смертная казнь через повешение, проводившаяся публично. Посреди лагерной площади устанавливалась передвижная виселица. Вокруг нее должны были по-

строиться все заключенные. Затем приговоренного, закованного в кандалы, подводили к виселице, и комендант лагеря или его заместитель зачитывал приговор. После этого заключенный должен был подняться на помост, и ему накидывали петлю на шею. Нажатием рычага эсэсовец выбивал доску из-под ног несчастного. Казненного оставляли висеть от пяти до восьми минут, после чего заключенные должны были его развязать и положить под виселицей. Затем один из эсэсовцев подходил к казненному и стрелял в него. Это цинично называлось «актом милосердия».

Когда я рассказываю о пережитом в концентрационном лагере, меня часто спрашивают, какой вид смерти был самым жестоким. Я всегда отвечаю: смерть от голода.

Каждому заключенному угрожала смерть от голода. Уже через несколько дней после пребывания в лагере наступала первая стадия голодания: чувство голода становилось прямо-таки болезненным, жадность к еде не ослабевала даже тогда, когда удавалось наполнить желудок больше обычного. Через несколько недель у заключенного наступал быстрый упадок сил, сопровождаемый болями в мускулах, суставах, ревматизмом и фурункулезом. Между тем алчность к пище возрастала в такой степени, что он мечтал лишь о капусте и брюкве. Только величайшим напряжением воли можно было сохранить в таком состоянии надежду на лучшие времена. В этой второй стадии голодания находилось подавляющее большинство заключенных. Тот, у кого не хватало силы воли, неизбежно переходил в третью и последнюю стадию. Она наступала, когда заключенный становился настолько слаб, что уже не мог работать. Тогда его переводили в карантинный барак, который назывался «домом покойников». Внутри барака вдоль стен и посередине размещались трехэтажные покрытые соломой нары. Не было ни столов, ни скамеек. Помещение было забито тяжело больными и обессиленными заключенными. В бараке нечем было дышать. Раздавались стоны и кашель. Слышалось хрипение умирающих.

Необходимо особо подчеркнуть, что истребление людей в концлагерях имело место задолго до того,

как оно нашло свое теоретическое обоснование в нацистской идеологии.

В этой связи я хочу напомнить о так называемых боксгеймских документах, которые задолго до прихода Гитлера к власти вызвали в Германии бурю возмущения своими бесчеловечными требованиями. Правда, тогда руководящие нацистские круги утверждали, что в этих документах выражено только личное мнение некоторых членов национал-социалистской партии и они не отражают линии НСДАП. Однако политика этой партии, проводимая ею с момента захвата власти, достаточно наглядно доказала, что уничтожение «нежелательных элементов» уже тогда было составной частью ее программы.

В боксгеймских документах содержалось требование умертвить всех, кто не может себя прокормить: слабых, престарелых, имеющих плохую наследственность, калек. Все они должны были проявить «мужество» и «добровольно» уйти из жизни, чтобы не становиться обузой для третьего рейха. Это варварское требование дополняла особая статья, в которой говорилось, что государство должно «помочь» тем, кто не может проявить такое «мужество».

Среди заключенных в Нойенгамме было несколько врачей и других медицинских работников, которые отказались впрыскивать яд людям, находившимся в домах престарелых, калек и в психиатрических больницах.

В концлагере существовало правило: каждый заключенный, становившийся из-за упадка сил, болезни или ранения неработоспособным, рассматривался как «обуза». Для такого нацистское государство считало излишним выделять более чем скудную еду, и его хладнокровно умерщвляли методами, о которых речь пойдет дальше.

Глава пятнадцатая

В пять часов утра раздавался короткий пронзительный звонок и от барака к бараку прокатывалась команда:

— Вставать!

Как наэлектризованные, вскакивали заключенные со своих нар. Быстро убирали соломенные подстилки и тюфяки, а затем бросались к умывальникам, чтобы вовремя захватить место. Через несколько минут в особом помещении, где на несколько человек полагался общий шкаф для мисок и ложек, мы получали завтрак: пол-литра жидкого супа и сто граммов хлеба. Не успевали заключенные опорожнить миски, как староста барака орал:

— Становись!

И сразу по сигнальному свистку дежурного эсэсовской охраны мы срывались с места, строились перед бараком по пять человек в ряд, и нас пересчитывали.

Тем временем на лагерной площади играл военный оркестр, составленный из заключенных чехов. Как по мановению жезла, колонны заключенных приходили в движение и маршировали к площади. Когда последняя колонна становилась на место, раздавалась команда:

— Смирно!

Старосты бараков рапортовали эсэсовцам — начальникам блоков о численном составе бараков, а те докладывали об этом дежурному начальнику лагеря. Затем раздавалась команда:

— Лагерь, смирно! Шапки долой!

Эсэсовцы тоже должны были стоять навытяжку. Команда «Шапки долой!» давалась, конечно, только нам. Дежурный начальник лагеря рапортовал о количестве заключенных коменданту или его заместителю. После этого следовал приказ:

— Шапки на голову! Рабочим командам построиться!

Каждый заключенный был зачислен в одну из рабочих команд, обслуживавших военные предприятия, расположенные вокруг лагеря. Команды состояли большей частью из рабочих разных специальностей. Были специальные команды для внутрилагерного обслуживания: сапожники, портные, рабочие кухни. Через несколько минут под звуки марша колонны начинали двигаться к месту работ.

Вскоре площадь пустела. Лишь там и сям лежали

люди. У них не было сил, чтобы идти на работу со своими товарищами. Иногда на земле оставалось столько заключенных, что лагерная площадь напонила поле битвы.

Через некоторое время появлялись особые колонны узников с маленькими плоскими тележками и подбирали своих несчастных товарищей. Их сваливали один на другого и увозили в лазарет. Там под надзором дежурного эсэсовца санитар из заключенных отбирал тех, кого считал возможным подлечить. Количество таких заключенных всегда зависело от того, сколько в данный момент было свободных мест в лазарете. Остальных, в том числе и еще живых, отправляли в морг.

Тем временем другие заключенные принимались за каторжную, изнуряющую работу.

В двенадцать часов снова производили переключку, после чего объявляли часовой перерыв, во время которого каждый заключенный получал литр баланды. В ней плавало несколько кусочков брюквы или какой-либо другой зелени, иногда пара листиков кислой капусты. Изредка давали перловую кашу или нечищенный картофель с ложкой кислого творога. Затем от часа дня до шести вечера заключенные снова работали.

Условия, в которых приходилось работать, были в различных командах неодинаковыми, и хотя эсэсовская охрана требовала максимально высоких темпов работы, все же время от времени попадались и «хорошие» надзиратели. Это были эсэсовцы, в которых еще теплилось нечто вроде остатков человечности, и они не так сильно били и погоняли нас. На военных предприятиях надзор за заключенными осуществляли штатские, большей частью члены НСДАП. Им были подчинены некоторые заключенные-специалисты, назначенные старшими рабочими или капо. Однако общий надзор над всей командой осуществляли охранники-эсэсовцы.

Из работавших вне лагеря самой большой была команда, занятая на очистке одного из каналов Эльбы. В ней насчитывалось несколько тысяч заключенных, и ее сопровождала рота эсэсовских охранников. Начальник команды, обер- или хауптшарфю-

пер¹, имел неограниченное право распоряжаться жизнью каждого узника. «Команда Эльбы», как ее называли в лагере, пользовалась самой дурной славой. Не проходило и дня, особенно с 1942 года, когда при возвращении вечером в лагерь не приходилось бы тащить с собой по крайней мере двадцать трупов и столько же полуживых заключенных.

К семи часам вечера команды под звуки оркестра возвращались в лагерь. Сведенные в сотни, заключенные маршировали по пятнадцать человек в ряд, сняв шапки и вытянув руки по швам. Каждый капо должен был, как и утром, доложить дежурному название и численность команды. И горе ему, если он ошибался. Затем колонны распускали, и заключенные тотчас устремлялись к местам построения у своих бараков, чтобы успеть к перекличке. Час и больше, в любую погоду, стояли смертельно усталые узники, ожидая разрешения разойтись.

До двадцати одного часа заключенные имели так называемое свободное время, тогда же получали и ужин. Однако использовать свободное время можно было лишь в том случае, если начальник блока не назначал штрафных работ или занятий «спортом». После вечерней переклички начальники блоков, то есть всемогущие эсэсовцы, покидали лагерь, и наконец наступали минуты, когда мы могли свободно разговаривать друг с другом. В это время нам удавалось обсудить политические события. Однако приходилось всегда быть начеку, чтобы в случае необходимости переменить тему разговора: в лагере было много шпииков, доносчиков и провокаторов.

Однако такие вечера выдавались не часто. С 1941 года наше так называемое свободное время нарушали ежедневные воздушные тревоги. Иногда сирены завывали по четыре раза. Если это было ночью, то заключенных загоняли в подвалы крупных бараков. Во время воздушной тревоги эсэсовские части приводились в состояние боевой готовности. Охрана усиливалась. Вокруг лагеря устанавливались посты пулеметчиков. Освещение заряженных электрическим током заборов из колючей проволоки вы-

¹ Унтер-фельдфебель или фельдфебель войск СС.

ключалось. Мы знали, что на случай массовых побегов заключенных или паники эсэсовцы держали наготове новейшие огнеметы.

Согласно внутреннему распорядку по воскресеньям мы должны были работать только до полудня, однако соблюдение этого правила зависело от настроения коменданта. Фактически в воскресные дни мы работали так же, как и в будни. Если когда-либо в воскресенье после обеда удавалось освободиться, то происходили внеочередные переключки, во время которых отбирались большие партии больных и слабых. Из них формировались транспорты для отправки в газовые камеры лагерей Аушвица (Освенцима) или Люблина: в нашем лагере не было печей для массового уничтожения людей.

Несмотря на нескончаемую цепь лишений, преследований, душевных мук и физических страданий, среди нас было мало таких, которые шли на самоубийство. Лишь очень немногие, будучи доведены зверствами до грани безумия, накидывали себе веревку на шею либо бросались на заряженную током колючую проволоку. В сердцах заключенных неугасимо горел огонек надежды на свободу, который, несмотря ни на что, укреплял наши силы.

Нас, коммунистов, воодушевляло марксистско-ленинское мировоззрение. Оно придавало нам непоколебимую уверенность, что придет время, когда с фашизмом будет покончено и настанет день нашего освобождения. Мы скоро поняли, что этот день не так уже далек, когда узнали, что зарвавшиеся власти Германии вероломно напали на Советский Союз. Мы не только надеялись, нет, мы знали, что теперь фашистские армии неминуемо будут разбиты. И эта уверенность придавала нам мужество и силы.

Глава шестнадцатая

По мере того как фашистские армии захватывали новые страны Европы; в концентрационных лагерях Германии все интенсивнее загружались печи крематориев. Уже через несколько дней после оккупации какой-либо страны нацисты приступали к безжалост-

ному уничтожению всех, кто осмеливался сопротивляться их кровавому режиму. Десятки тысяч людей угонялись в Германию, в лагеря уничтожения — функционеры и члены антифашистских организаций, участники движения Сопротивления, патриотически настроенные представители интеллигенции, женщины и мужчины.

В концентрационном лагере Нойенгамме были представлены почти все национальности. Больше всего было поляков. За ними следовали чехословаки, затем голландцы, французы и, наконец, советские люди.

Каждый вечер новые колонны заключенных под звуки марша входили в лагерь, и всегда происходило одно и то же: в первых рядах шли более или менее сильные, за ними плелись слабые и истощенные, а в хвосте дребезжали тачки с полуживыми и мертвыми. И сразу же по прибытии в лагерь узники бежали, ковыляли или ползли к месту вечерней переклички.

И если весь день был сплошной травлей и мукой, то все же самые жуткие минуты каждый из нас переживал после вечерней переклички. Тогда всякий раз наступала такая напряженная тишина, какой не было на протяжении дня, вплоть до того момента, когда трескучий голос дежурного по лагерю выкликал первое имя, а за ним еще длинный ряд имен заключенных — кандидатов в смертники.

Тихий мучительный стон, молчаливое прощание с товарищами, и обреченный выходил на лагерную улицу, выкладывал перед собой миску для еды и скудное содержимое карманов. Последний взгляд на остающихся, кивок головой, и несчастные, сопровождаемые эсэсовцами с карабинами наготове, направлялись через ворота к осветительным установкам, где находился тир. Через несколько минут там раздавались выстрелы.

Эти массовые расстрелы производились лишь в начале существования лагеря. Чтобы «работать» бесшумно, в арестантском доме было организовано истребление заключенных через повешение. Для этой цели в стенах коридора были вбиты крюки.

Происходило это так. Жертвы загонялись в коридоры и получали приказ раздеться догола. Затем пер-

вая партия несчастных должна была подойти к стене, собственноручно накинуть себе веревку на шею, подняться на маленькую лестницу, прикрепить своими руками петлю к крюку. Затем палач-эсэсовец выбивал ногой лестницу у них из-под ног. Тех, кто не выполнял этих указаний, убивали деревянной дубиной. Эта же дубина пускалась в ход, если убийцам казалось, что смерть от повешения наступала недостаточно быстро. Когда повешенные уже не подавали признаков жизни, следующие (они были обязаны смотреть на происходившее) должны были снять с крюков своих мертвых товарищей и накинуть веревку себе на шею. И так повторялось до тех пор, пока никто из приговоренных не оставался в живых.

Кроме этих массовых убийств заключенных нашего лагеря производилось также систематическое уничтожение людей, не содержащихся в лагере, в том числе советских офицеров и комиссаров, а также гражданских. Наконец, в Нойенгамме казнили немецких солдат и офицеров.

23 июля 1942 года выстрелами в затылок были убиты немецкие солдаты. И хотя эсэсовцы пытались сохранить эту казнь в тайне, нам все же удалось узнать, что расстрелянные были членами экипажа немецкой подводной лодки. Возможно (к такому выводу я пришел лишь несколько лет спустя), это был экипаж капитан-лейтенанта Принса, лодка которого, по лживому сообщению вермахта, якобы не вернулась с боевого задания.

Однажды в сектор лагеря, занимаемого эсэсовцами, прибыли два грузовика, которые поставили в гараж. Заключенных, работавших там в качестве слесарей, мойщиков и чистильщиков, немедленно удалили. После этого из арестантского дома вывели всех заключенных, и в камеры засыпали толстый слой опилок. В сарай рядом с арестантским домом было поставлено двадцать шесть гробов. Мы решили, что готовится какой-то необыкновенный план убийств. И не ошиблись. Было приказано очистить кухонное помещение, где обычно чистили картофель. В тот вечер необычно быстро провели перекличку. Перед тем как нас распустить, дежурный объявил, что после девятнадцати часов ни один заключенный, под

страхом смерти, не должен выходить из своего барака. Охрана на сторожевых башнях была удвоена. Были усилены также промежуточные посты. Глухая, тягостная тишина, которая устанавливалась обычно лишь после двадцати одного часа, наступила в этот вечер раньше и оттого казалась еще более зловещей. Хотя окна было приказано закрыть, все же каждый раздававшийся в лагере звук был ясно слышен в бараке. С напряженными до предела нервами я и некоторые другие товарищи притаились у окон, чтобы раскрыть замыслы палачей.

Мы услышали, как из сектора, где жили эсэсовцы, вышла машина и остановилась перед арестантским домом. Быстрый, негромкий разговор. Хлопнула дверь. Около минуты было тихо. Затем глухо прозвучали пять или шесть выстрелов. Снова тишина. Через несколько минут машина уехала. Это повторялось десять раз за ночь. Один раз мы услышали душераздирающий крик, который был заглушен несколькими быстро следовавшими друг за другом выстрелами. Мы примерно смогли себе представить ужасную картину того, что произошло.

Там, в эсэсовском секторе лагеря, они усаживали в автомашину, кто знает, под каким предлогом, пять человек, привозили их в арестантский дом и расстреливали; затем машина увозила пять трупов и привозила следующую партию.

Утром те из нас, кто встал первыми, смогли по кровавым следам проследить маршрут, по которому автомашина ездилась ночью. Однако, чтобы заключенные не могли заметить явных доказательств преступлений, эсэсовцы заставили специальную команду еще до переключки засыпать следы крови песком. Но убийцы так и не смогли скрыть это зверство. Наши товарищи, работавшие в эсэсовском гараже, обнаружили там большую лужу крови. Она была на том месте, где стояла машина, увозившая гробы из лагеря.

Расстрелы, которые старались скрыть даже от эсэсовской охраны, были совершены унтершарфюрерами СС Редером и Енчем. Нам удалось это установить после того, как они отдали в прачечную свои забрызганные кровью мундиры. Редера, этого про-

фессионального убийцу, через несколько месяцев удалили из лагеря, так как у него стали проявляться признаки помешательства: ему всюду мерещились расстрелянные и повешенные. Он часто бродил по лагерю как лунатик, размахивая пистолетом, и разговаривал сам с собой. Позднее нам сообщили, что его якобы лечат в санатории. Это, конечно, была ложь. Мы хорошо знали, что руководство СС уничтожало палачей, как только те становились обузой.

Война затягивалась. В лагерь прибывали все новые и новые партии заключенных. Руководство СС было поставлено перед необходимостью открыть несколько вспомогательных лагерей и организовать команды, постоянно работавшие вне лагеря. Это было сделано всюду, где заключенные использовались на важных в военном отношении объектах, например на цементном заводе Порта Вестфалика, на подземных складах взрывчатых веществ у Нордхаузена, в Виттенберге и т. д. Тяжелая и часто вредная для здоровья заключенных работа на этих предприятиях приводила к тому, что между главным лагерем и его филиалами постоянно курсировали транспорты с заключенными. На предприятия направлялись сравнительно сильные, работоспособные люди. Их пригоняли в наш лагерь из многих стран, в том числе из Греции, Югославии и Италии. Физически слабые чахли от непривычно сурового северогерманского климата и плохого питания. Сильные должны были три-четыре недели поработать, не разгибая спины, на этой каторге по производству вооружений, пока не становились калеками.

Как же избавлялись фашистские изверги от бесполезной для них массы неработоспособных?

Сначала нам казалось, что это происходит каким-то таинственным образом, но скоро удалось установить: впрыскиванием яда.

Больных и слабых заключенных переводили в специальные бараки. Когда наступала ночь и жизнь в лагере замирала, от пятидесяти до семидесяти человек (такое количество мог пропустить крематорий) перевозили в главный лазарет. В так называемой комнате ожидания несчастным говорили, что их тщательно осмотрят, просветят рентгеном, поэтому сле-

дует раздеться. Затем узников по одному впускали в амбулаторную комнату. Лагерный врач оберштурмфюрер СС¹ доктор Егер и его помощник унтершарфюрер СС Баар, прозванный Утаном за внешнее сходство с орангутангом, приступали к делу.

Заключенный должен был лечь на операционный стол лицом вниз, и ему делали инъекцию в шейный позвонок. Смерть наступала в течение минуты. Впрыскиваемый раствор был мутно-желтого цвета и имел запах бензина. Шприца, наполненного пятью кубическими сантиметрами этой жидкости, хватало для убийства трех человек. Затем два санитара уносили мертвых в морг, откуда ночью трупы перевозили в крематорий.

До сих пор я с ужасом вспоминаю о том времени, поскольку мне пришлось проработать санитаром в этом лазарете почти год. Я пошел туда не добровольно, а по решению нашей нелегальной лагерной партийной группы: во-первых, потому, что физически был очень слаб и мне нужно было отдохнуть, и, во-вторых, потому, что возникла необходимость поставить на эту работу надежных людей, ибо имелась возможность поддерживать заболевших товарищей, из какого бы лагеря они ни поступали, и при помощи всевозможных ухищрений спасать им жизнь. Можно было бы привести длинный список людей, спасенных таким путем. Выполнение этой задачи было постоянной игрой со смертью, и все же среди нас, коммунистов, не было ни одного, кто бы из-за этого отказался от выполнения своего долга.

Однажды убийца Егер вызвал всех санитаров и объявил, что они должны производить инъекции. Он сделал это чудовищное предложение со всей серьезностью и «мотивировал» его следующими словами:

— Речь идет о благодеянии для этих несчастных и больных. Совершить его — ваш человеческий долг, поскольку ничем другим им уже нельзя помочь!

Среди нас не нашлось такого, кто бы принял это предложение, и Егер кусал губы от бешенства. Он пригрозил, что пошлет всех на виселицу, если не будем молчать. Егер был зубным врачом, однако,

¹ Старший лейтенант войск СС.

не имея необходимых знаний, он, не моргнув глазом, делал операции желудка, слепой кишки и другие. Его толкали на это садизм и любопытство животного. Около сотни заключенных должны были заплатить за эти операции жизнью. Путем впрыскивания яда Егер умертвил, когда я был санитаром, более двух тысяч человек. Этого палача постигла та же судьба, что и убийцу Редера. Его все чаще и чаще преследовали кошмары, которые он уже не мог заглушить алкоголем.

...Число слабых и больных неудержимо росло в нашем лагере. Эсэсовцы стали формировать из таких заключенных транспорты численностью не менее двух тысяч человек и направляли их в лагерь массового уничтожения Аушвиц, Майданек или Люблин, где имелись огромные газовые камеры.

Человеческая фантазия едва ли может представить себе, каким ужасным зрелищем были эти транспорты. В товарный вагон загоняли более пятидесяти человек, которые в течение четырех — шести дней пути получали бочку воды и ничтожное количество хлеба. Вагоны открывали только по прибытии на место. Грязные, больные, покрытые язвами, заключенные умирали во время этой последней в их жизни поездки. А родственникам впоследствии сообщали: погиб от катара желудка или кишок, либо ослабления сердечной деятельности, или нарушения кровообращения, или же убит при попытке к бегству.

Для массового уничтожения заключенных использовался и так называемый внешний лагерь «Эльба». Объектом работы лагеря был канал Эльбы, называвшийся Довэ-Эльба, котрый вел от Гамбурга через Бергедорф в Нойенгамме.

Три тысячи заключенных должны были изо дня в день наполнять баржи песком, поднятым со дна канала. Затем несколько заключенных взбирались на баржу и нагружали им деревянные и железные тачки. Эсэсовские надсмотрщики ставили к тачкам тех заключенных, которые были у них в немилости. Подгоняемые ударами плетей, несчастные катили на берег груженные тачки. Тех, кто падал от слабости, беспощадно избивали. Если после этого заключен-

ный не поднимался, то его заталкивали в грязь и накрывали курткой. Он должен был лежать до тех пор, пока не последует команда встать. Не было почти никого, кто бы после этой процедуры не заболел воспалением легких. Если же заключенный терял равновесие на качающихся досках и падал в воду, причем иногда на него обрушивалась груженная тачка, то его ждала смерть. Охранники не давали ему возможности вскарабкаться на берег, а заключенным было строжайше запрещено оказывать помощь. Так погибли более ста тридцати заключенных-евреев. А вообще за девять месяцев в лагере было уничтожено триста пятьдесят евреев.

Как только узник по каким-либо причинам становился для лагерного начальства «нежелательным», его «откомандировывали» в команду «Эльбы». Эсэсовцы ставили на спине смертника крест, намалеванный желтой масляной краской, а затем приказывали бежать на цепь часовых. Несчастному оставалось либо бежать и получить пулю, либо быть разорванным собаками. Мы часто слышали, как эсэсовцы-охранники договаривались, кто из них кого из заключенных и в каком месте должен погнать на цепь часовых. На языке лагерных палачей это называлось «попыткой к бегству». Эсэсовцы, пресекавшие подобные «попытки», получали премии: дополнительную порцию сигарет, несколько марок или внеочередной отпуск.

Таким способом с 1940 года до ликвидации команды «Эльбы» в 1943 году было убито около двух тысяч заключенных. За это время я трижды работал в команде по несколько месяцев. Каждый день мы должны были полтора — два часа лежать в грязи. Приказ эсэсовцев гласил: при каждом выстреле немедленно бросаться на землю и оставаться в таком положении до тех пор, пока не прозвучит команда встать и продолжать работу. А кругом была только грязь — черная вонючая тина со дна канала.

Глава семнадцатая

Это случилось в один из октябрьских дней 1942 года. Утренняя перекличка давно закончилась. Отправляясь к месту работы, мы заметили, что некоторые бараки отгорожены от остальной территории лагеря колючей проволокой.

Издали, с дороги, ведущей в лагерь, доносились крики, ругательства, глухие удары. «Наверняка новое пополнение», — подумал я. В этот день я дежурил и мог наблюдать за прибывающими. Судя по шуму, они должны были уже подойти к воротам. Наконец первая сотня вошла в лагерь. «Да это же красноармейцы!» — осенило меня. Я не мог оторвать глаз; да, никаких сомнений, это военнопленные красноармейцы! Я их тотчас же узнал, хотя видел впервые в жизни.

Грязные, усталые и изможденные, они тем не менее маршировали так организованно, как ни одна колонна, прибывавшая ранее. Разъяренные охранники, не переставая, били красноармейцев плетками. Но они продолжали идти сомкнутыми рядами. Эсэсовцы были вне себя от ярости.

— Большевицские свиньи! Красные негодяи! Что, России капут?

Однако пленные стойко переносили издевательства и, сохраняя походный порядок, молча входили в подготовленный для них особый лагерь.

Из барачков, предназначенных для красноармейцев, вынесли все, в том числе и нары; там не было печей и даже соломы. Двух заключенных-немцев, хорошо говоривших по-русски, назначили старостами барачков особого лагеря; это были надежные товарищи, один из них, Курт Андерс, до 1933 года долгое время жил в России.

Через несколько дней первая партия красноармейцев была направлена на клинкерный завод, хотя все они очень ослабли во время перехода из лагеря в Люнебургской степи до Нойенгамме. Тех, что прибыли к нам, отобрали, как самых сильных, из тридцати тысяч пленных солдат. Красноармейцы должны были выполнять изнурительные земляные работы, трудясь по двенадцати часов в сутки. Эсэсов-

ские громилы непрерывно подгоняли их и издевались над ними еще больше, чем над нами. Я много раз видел, как русских, избитых до такой степени, что они не могли подняться с земли, эсэсовцы топтали ногами.

Охранники придумали для военнопленных красноармейцев особый вид «спорта». Когда котлы с вареной брюквой доставляли в полдень к месту работы и красноармейцы становились в очередь за скудной пищей, эсэсовцы опрокидывали котлы и орали:

— Вот вам, свиньи! Раз вы не соблюдаете дисциплины, то не получите жратвы!

Однако и в этих случаях советские военнопленные не поддавались на провокацию.

На нас, политических заключенных, стойкость и сила воли русских производили глубокое впечатление, и, хотя это было очень опасно, мы скоро установили с ними контакт. Несмотря на строжайшую изоляцию и запрещение разговаривать с красноармейцами, мы навещали их ночью, передавали им хлеб, сигареты, котелок-другой еды. Мы снабжали их медикаментами, к сожалению в очень небольшом количестве. Но все наши старания помочь русским были явно недостаточны: туберкулез и голод беспощадно косили их.

Никогда не забуду празднование в лагере 26-й годовщины Красной Армии.

Двадцать пять наших товарищей поодиночке прокрались через колючую проволоку, чтобы хоть час побыть с советскими друзьями. Красноармейцы вполголоса пели русские боевые и народные песни, в которых звучала сила и решимость. В эти минуты мы забывали о своем горе. Наши взгляды не могли оторваться от измученных молодых лиц, светившихся уверенностью в победе. Вдруг кто-то из русских тихо, но твердо сказал:

— Мы любим свою страну рабочих и крестьян! Мы знаем силу нашей социалистической Родины! И мы уверены, что Красная Армия разгромит фашистских захватчиков! Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция! Да здравствует Красная Армия и наша освободительная борьба!

Затем мы вместе с русскими запели «Интерна-

ционал». До сих пор в моей памяти сохранились слова, сказанные при расставании:

— Может быть, мы не доживем до дня победы, но верим: Красная Армия победит!

В последующие месяцы нам иногда удавалось навещать по вечерам русских; каждый раз мы взволнованно слушали рассказы о их прекрасной родине, и величие советских людей всегда производило на нас сильное впечатление. Однако в конце концов этим встречам пришел конец. Из тысячи заключенных красноармейцев к началу апреля 1943 года осталось в живых сто семьдесят восемь человек. Через некоторое время и они были отправлены в Заксенхаузен.

Вскоре из лагеря в Люнебургской степи к нам прибыл второй транспорт с пленными красноармейцами.

Их было двести человек — слабых, тяжело больных, раненных на фронте. Я работал тогда санитаром в лазарете и надеялся, как и мои товарищи, что русских направят к нам на лечение. Но как мы ошиблись! Ведь это было время, когда фашисты, обозленные своими неудачами на Восточном фронте, приступили к массовому уничтожению заключенных в лагерях.

Красноармейцев препроводили в баню. Переводчик сказал, что они должны раздеться, ибо приказано вымыться и отдохнуть с дороги. Пленные быстро выполнили это приказание. Тогда несколько эсэсовцев повели красноармейцев в арестантский дом. Сильные тащили слабых. Мы, видевшие это, догадывались: произойдет что-то ужасное. Эсэсовцы загнали пленных в камеры и коридоры арестантского дома, затем включили недавно установленное электрическое отопление, заперли и оклеили бумагой наружную дверь. Унтершарфюрер СС Редер поднялся на крышу, достал из портфеля несколько банок с ядовитым порошком «циклон» и высыпал их содержимое в вентиляционное устройство...

Вскоре послышались глухие крики несчастных. Убийцы — комендант лагеря штурмбанфюрер СС Паули, начальник лагеря оберштурмфюрер СС Люттгемейер, врач лагеря оберштурмфюрер СС Егер, оберштурмфюрер СС Шрам, унтершарфюрер СС

Редер, унтершарфюрер СС Sommerfeld — слушали предсмертные крики своих жертв, весело разговаривая и покуривая. И только когда стихло, они, оставив охрану, ушли в бар, где обычно проводили большую часть времени за шнапсом.

После вечерней переключки команда заключенных погрузила трупы на тележки и перевезла их в крематорий. Этой же ночью они были сожжены. Это было первое массовое убийство советских военнопленных в концлагере Нойенгамме.

Другое чудовищное преступление было совершено 14 августа 1943 года. Около полудня небольшой грузовик доставил в лагерь группу женщин в возрасте от 20 до 25 лет. Это были советские военнопленные — врачи и медсестры. Их немедленно заперли в арестантском доме. В Нойенгамме раньше не привозили женщин, и нами овладело серьезное беспокойство. Наш товарищ прокрался к окну одной из камер и узнал от советских женщин, что они прибыли из лагеря военнопленных, расположенного близ Гамбурга, и что их обвинили в организации саботажа. После обеда мы слышали, как они пели советские боевые песни.

По окончании вечерней переключки несколько начальников блоков оцепили арестантский дом. Командант лагеря Паули, начальник лагеря Люттгеймер, врач Егер, а также два унтершарфюрера СС — Дрейман и Яух — вошли в дом.

Девушек заставили раздеться, а затем Яух и Дрейман повесили их.

Страшное злодеяние свершилось.

Один из наших товарищей, работавших в дезинфекционной камере, был единственным заключенным, допускавшимся к таким «акциям». Укладывая в гробы трупы женщин, он заметил на них раны от избиений и истязаний. Ему поручили также собрать и вычистить окровавленное белье и другие вещи убитых. Сумки и чемоданчики были открыты раньше, медицинские инструменты, перевязочные материалы и другое содержимое валялось в беспорядке. Хорошо сохранившееся нижнее белье он должен был выстирать и передать унтершарфюрерам СС Дрейману и Яуху.

Весть об этом зверском убийстве с быстротой молнии распространилась по лагерю. И в то утро, когда гробы с трупами советских женщин перевозили через площадь, состоялась демонстрация, какой еще никогда не было в лагере: каждый заключенный останавливался и благоговейно снимал шапку. Эсэсовцы заметили, как мы прощались, но молчали.

Эти два преступления особенно глубоко запечатлелись в моей памяти. Но в лагере убийства советских комиссаров и офицеров были повседневным явлением. И среди палачей всегда находились те, кто уже мною назван.

Глава восемнадцатая

Лагерь Нойенгамме, как и все концентрационные лагеря, окружал забор из колючей проволоки, через которую пропускаться электрический ток, и, кроме того, пояс сторожевых шестиметровых башен. На верху каждой башни находилась будка, ее три стороны были застеклены, а четвертая, обращенная к лагерю, открыта. На этой стороне башни находился подвижной станковый пулемет. Часовой, имевший и обычное оружие, мог управлять пулеметом одной рукой, в то время как другой направлял специальный вращающийся прожектор. Задача башенного часового состояла в том, чтобы днем и ночью следить за всеми передвижениями в лагере и сообщать командованию по телефону о всех подозрительных явлениях. Днем башенные посты не имели большого значения, поскольку почти все заключенные находились на работах вне лагеря. Кроме того, вокруг лагеря стояла цепь эсэсовских часовых.

Основное значение посты на башнях приобретали ночью. После второго звонка заключенным строго запрещалось выходить из барачных корпусов. Исключение делалось лишь для тех, кто после переключки появлялся в лагере с особыми командами или должен был выполнить внутри лагеря какую-либо специальную работу. К последним относились также и капо, носившие в качестве отличительного знака желтую нарукавную повязку. Такие заключенные

при приближении к ближайшему башенному посту должны были громко рапортовать. Часовой освещал их прожектором и предупреждал следующего часового на башне.

Несмотря на строгий приказ, все же ночью кое-кто из заключенных выходил из барака... Раздавались пулеметные очереди. Утром на лагерной площади мы часто видели изрешеченные пулями трупы тех, кто осмеливался нарушить лагерный порядок.

* *
*

Зима 1943 года. Стоял резкий холод, голод чувствовался сильнее, чем обычно. Над лагерем развевался карантинный флаг: среди заключенных свирепствовал сыпной тиф. Это была одна из тех эпидемий, которые высшие нацистские инстанции рассматривали как метод массового уничтожения людей. Эсэсовцы изолировали лишь часть узников — тех, кого использовали для работ внутри лагеря и на военных предприятиях.

Ночью я пришел к товарищу Михелю в дезинфекционный барак. В то время я был капо слесарей и всегда находил повод для какого-нибудь «ремонта» в этом бараке. Здесь был спрятан радиоприемник и наша нелегальная партийная группа проводила совещания. Дезинфекционный барак — единственное место в лагере, куда не заходили эсэсовцы, боясь заразиться.

Мы прослушали по радио последние известия, затем «поужинали» — уплели жареную кошку. Михель рассказал мне о случае, происшедшем два месяца назад у сторожевой башни, находившейся рядом с дезинфекционным баракom.

В ту осеннюю ночь было сравнительно светло, так как полная луна проглядывала из-за облаков. Михель знал, что в двадцать два часа дежурство на башне примет эсэовец Ян из Гамбурга. Михель и Ян знали друг друга — до 1933 года оба они жили близ Гэнгефиртель¹. Михель не мог припомнить, чтобы Ян когда-либо плохо относился к коммунистам. Од-

¹ Рабочий район Гамбурга.

нажды Михель спросил Яна, почему он, рабочий парень, стал штурмовиком. В ответ Ян пожал плечами и сказал:

— О, это слишком долгая история.

И вот в ту ночь Михель вышел из барака и сначала удостоверился, все ли в порядке. Затем он сделал несколько шагов по направлению к башне и крикнул на гамбургском диалекте:

— Эй, постовой на башне, я должен перепаковать тюки с одеждой, смотри, чтобы не стреляли!

Сверху послышался негромкий ответ:

— Все в порядке, Михель.

Затем Ян громко прокричал в обе стороны:

— Заключенный из дезинфекционного барака на ночной работе!

Посты правой и левой сторожевых башен дали знать, что поняли.

Не успел Михель сделать шаг, как Ян сверху прошептал:

— Эй, Михель, как дела? Здоров, или они тебя снова выпороли? Что подельывает твоя Эдит?

— Ха, разве ты не видишь, какой я стал жирный? Моя шкура стала дубленой. А Эдит превратилась в здоровенную бабу, она работает у мясника.

Ян зашептал еще тише:

— Слушай, Михель, что ты скажешь о делах на фронте? Мне кажется, с войной плохо...

— На фронте... ха, там, я думаю, все в порядке, особенно с тех пор, как наци получили под зад на Волге... Теперь ведь русские наступают по направлению к Германии, Ян.

— Ты все такой же, Михель. Ты не боишься, что они расправятся с тобой и со всеми вами?

— Боюсь? Я никогда не знал страха! А тем более теперь, когда победа уже недалеко! Я думаю, что страх теперь испытывают «тысячелетние»!¹

— Ходят слухи, что нас всех сменят, Михель. Нас должны отправить на фронт! Проклятое дерьмо!

— Дорогой Ян, ты же должен гордиться, что твой фюрер призывает тебя. Он знает, что есть еще в нашем отечестве храбрые сыны!

¹ Имеются в виду нацисты, называвшие гитлеровское государство «тысячелетним рейхом».

— Пойми же, это не так просто. Многие не вернутся назад!

— Да, Ян, я не завидую тебе. Но ты ведь сам выбрал для себя путь. А теперь приходится смотреть в оба!

Михель видел, как Ян, чтобы лучше слышать то, что ему говорят, перегнулся через герекладину.

— Михель, подойди ближе. Слушай, вы же не можете сказать обо мне ничего плохого... Как ты думаешь, русские плохо относятся к таким, как я?

— Ты забыл о пароходах с хлебом, которые они посылали нам в двадцатые годы, хотя у них самих был голод? Могут ли быть плохими люди, которые делают подобные вещи!

— Я об этом подумаю, Ян, и расскажу о тебе!

Михель хотел еще что-то сказать, но с соседних башен прокричали:

— Внимание, смена, передать дальше!

— Всего хорошего, Ян. Привет Гамбургу!

— Спокойной ночи, Михель! Прощай! Хуммель, Хуммель! Морс, морс! ¹

Михель закончил свой рассказ и сообщил, что Яна уже откомандировали во фронтовую часть.

Я попрощался и уже собирался вернуться в барак, как вдруг ночную тишину прорезала пулеметная очередь. Одним прыжком я бросился назад, к стене дезинфекционного барака. Вспыхнул прожектор. Затаив дыхание, я следил, как его луч шарил по лагерной площади. В луче был виден ползущий по земле заключенный. Вспыхнули прожекторы и на других башнях. Теперь была отчетливо видна цепочка заключенных, ползущих друг за другом попластунски. Один за другим бешено застучали пулеметы...

Я не рискнул пойти в свой барак и остался у Михеля.

Утром шестеро убитых все еще лежали на площади. Их руки судорожно сжимали полусгнившие капустные кочерыжки. Видимо, терзаемые голодом, они подобрали их в куче отбросов позади кухни.

¹ Непереводимое прощальное приветствие на гамбургском диалекте.

Глава девятнадцатая

Почти во всех концентрационных лагерях было немало заключенных, которые, несмотря на нечеловеческие условия лагерной жизни, остались верны своим политическим убеждениям и даже за колючей проволокой вели борьбу против нацистских извергов.

В лагере Нойенгамме, как я уже упоминал, с начала его основания мы создали нелегальную группу Сопротивления. Товарищи, оставшиеся верными нашему делу, объединились и начали борьбу, чтобы проникнуть на важные посты в лагерном самоуправлении. Руководящий орган нелегальной группы состоял из небольшого числа товарищей; это были абсолютно надежные люди. Часто некоторые капо и старосты барачков делали вид, что проводят совещание о распределении работы. На самом деле они собирались, чтобы принять определенные решения или провести какие-либо мероприятия.

С самого начала нам удалось пристроить своего человека на один из крайне важных для нашей борьбы постов — на пост старосты лагеря. К старосте и его помощникам поступали списки новых пополнений. Они вели регистрацию заключенных и точно знали, каких людей к нам привозили. Зачастую «недовольные» или «нытики», также носившие красный треугольник, выдавали себя за «государственных изменников», за «политических». Об иностранных заключенных-коммунистах мы имели также точную информацию.

Главная задача группы Сопротивления состояла в том, чтобы теснее сплотить всех товарищей, проводить среди них работу по идейно-политическому воспитанию, распространять информацию, необходимую для правильной оценки политического положения, а также установить связь с внешним миром. Кроме того, центральное руководство разработало для многочисленных мелких ячеек Сопротивления инструкции, помогавшие ведению нелегальной борьбы, организации саботажа производства военных материалов. Само собой разумеется, мы заботились, насколько это было в наших силах, о нелегальных работниках. Наша группа Сопротивления

прежде всего старалась перевести таких товарищей в те рабочие команды, в которых должность капо занимали наши люди. Участники группы Сопrotивления, работавшие на кухне или на продовольственных складах, доставали для физически слабых добавочное питание. Некоторые старосты бараков умудрялись получать на кухне дополнительный котелок еды для особо нуждавшихся.

Санитарами в лазарет устраивали лишь таких товарищей, которые были до конца преданы делу нашей партии. Они с риском для жизни доставали медикаменты для больных заключенных.

Нам удавалось совершать и другие полезные дела. Например, кто-нибудь из заключенных появлялся вдруг утром в куртке с номером скончавшегося ночью товарища. А на умершего мы еще до переклички надевали костюм живого заключенного. Таким путем нам удалось спасти многих из тех, кто уже числился в списке смертников. Нам удалось таким же способом оградить от опасности комиссара Красной Армии, по имени Григорий, которого разыскивали эсэсовцы. Григорий жил под именем умершего советского заключенного, и мы устроили его на такую работу, где он оставался неузнанным. При обязательных перекличках Григорий каждый раз пристраивался к заключенным других бараков. Советский комиссар был для нас очень ценным товарищем. Учитывая, что среди заключенных было много шпиков, доносчиков и предателей, мы в то время не могли сообщить о нем даже его землякам. В 1948 году я слышал от одного товарища из Гамбурга, что Григорий жив, а после войны узнал, что он был советским делегатом на одной из международных встреч борцов Сопrotивления.

Мы использовали любую возможность, чтобы спасти своих товарищей, когда из соседних лагерей к нам прибывали транспорты с заключенными, подлежащими уничтожению. Случалось так, что среди них находился товарищ, который представлял особую ценность. И у нас не было иного выхода, как обменять его на другого заключенного из нашего лагеря, который умирал и которого все равно нельзя было спасти. Эсэсовцы никогда об этом не догадыва-

лись. Они следили лишь за тем, чтобы совпадало число смертников.

Участникам лагерного Сопротивления удавалось даже проникнуть в комендатуру. Уборщики и писаря иногда подолгу задерживались в соответствующей комнате для того, чтобы раздобыть для нас полезные сведения.

Время от времени нам для какого-нибудь мероприятия была нужна помощь эсэсовца. Тогда мы подкупали некоторых из них сигаретами, которые собирали среди своих товарищей. Так как эсэсовцам было строжайше запрещено вступать с нами в какие бы то ни было контакты (нарушение этого приказа каралось очень строго), то в каждом отдельном случае мы были уверены, что он будет молчать. Такого рода подкупы во многом облегчались тем, что мы имели дело с примитивными типами, которые не всегда даже понимали, о чем, собственно, идет речь, когда их просили об «одождении». Однако это не делало наших палачей менее жестокими в обращении с нами. Наоборот, их неполноценность не мешала им изобретать новые способы мучений.

Чтобы иметь возможность передавать услышанную нами по радио информацию остальным политическим заключенным, была создана искусно построенная служба распространения. Кроме трех товарищей, в число которых входил и я, никто в лагере не знал, кто слушал радио и где это происходило.

В соответствии с правилами конспирации наша группа Сопротивления была разбита на тройки. Центральное руководство на протяжении нескольких лет могло без помех совещаться в дезинфекционном бараке. Мы встречались в дезинфекционных камерах. Чтобы избежать опасного для жизни воздействия газа, при помощи которого уничтожали в камерах вшей, нами была создана специальная система вентиляции. Из этого барака мы руководили всей политической работой, которая охватывала как главный лагерь, так и его многочисленные филиалы. Здесь, например, намечались кандидатуры товарищей, которые посылались с политическими заданиями в какой-нибудь вспомогательный лагерь. Чтобы они могли туда проникнуть, наши доверенные люди в со-

ответствующих службах включали их в состав транспорта, направившегося в тот или иной лагерь.

После долгих и упорных попыток нам наконец удалось установить связь с партийной ячейкой в Гамбурге. Эта связь еще существовала, когда я покинул лагерь. Она принесла нам большую пользу. Связным был шофер гамбургского завода «Шюлер-моторен-верке» товарищ Отто С., часто привозивший в лагерь на своей машине различные грузы. В тот период я был капо рабочей команды на военном заводе «Дейче аусрюстунг-верке» (ДАВ) и мог встречаться с ним, не вызывая подозрений. Отто регулярно получал от нас сообщения о происшествиях в лагере, а нам вручал информационные материалы и листовки. Он пользовался абсолютным доверием. Через него мы переправили в гамбургскую партийную ячейку некоторые важные письма, а также деньги и ценные вещи, похищенные нами из запасов эсэсовцев. Они помогли гамбургским друзьям финансировать свою нелегальную борьбу.

Наши товарищи проводили подрывную работу не только в лагере. Они совершали акты саботажа и вне его — на военных предприятиях. Например, на заводе «Вальтер-верке», где изготовлялись части для стрелкового оружия, резко возрос брак. Когда нам поставили это в вину, мы ответили, что причина брака кроется в недостатке квалифицированной рабочей силы. Между тем о настоящей причине брака могли бы многое рассказать некоторые заключенные советские товарищи.

Акты саботажа имели место и на других военных заводах, где работали заключенные нашего лагеря. Если бы специалисты когда-нибудь проверили огромные фундаменты корпусов завода «Вальтер-верке» и других построенных нами крупных зданий и произвели бы при этом подсчет расхода цемента, то они бы установили огромную разницу между проектными расчетами и фактическим выполнением, ибо мы закладывали в фундаменты большое количество цемента, чтобы нанести ущерб и без того уже ослабленной войной нацистской экономике.

Кроме осуществления этих важных задач мы организовали среди заключенных широкие дискуссии.

Например, обсуждали события, происходившие как в Германии, так и во всем мире. Естественно, что особенно жгучий интерес вызывал ход войны. Благодаря хорошо организованной системе информации мы следили за всеми новостями и правильно оценивали обстановку на фронтах.

В связи с поступлением в лагерь заключенных из всех европейских стран встал вопрос о постоянном контакте с отдельными национальными группами. Мы установили его сначала с теми заключенными, о которых было известно, что они активно участвовали в движении Сопротивления или в работе коммунистических партий своих стран. Таким путем наша группа связалась с руководящими функционерами французской, бельгийской, голландской, польской и чехословацкой коммунистических партий. Представители этих партий потом организовали ячейки из своих соотечественников, с которыми поддерживалась постоянная связь. При этом одной из важнейших задач мы считали укрепление национальных групп путем сохранения жизни наиболее ценных работников, а также назначения переводчиками нужных нам людей. Последнее важно было потому, что эсэсовцы в известной мере зависели от переводчиков.

В числе заключенных нашего лагеря находились председатель Коммунистической партии Голландии Луи де Фиссер и генеральный секретарь Коммунистической партии Бельгии Жюльен Ляо. От них мы получили интересную информацию о событиях последнего времени. Мы обсуждали вместе с ними развитие международного политического положения и благодаря этому могли лучше подготавливать основные вопросы для бесед с товарищами. Через такие связи мы одновременно узнавали о настроениях в различных национальных группах заключенных и незаметно вмешивались в разговоры, чтобы предотвратить возможность безрассудных действий. Это было особенно необходимо, потому что зверское обращение эсэсовцев с заключенными приводило к тому, что узники угрожали поднять восстание и тем самым обречь весь лагерь на верную гибель. Лишь немногие знали, что в этом случае согласно приказу

Гиммлера все заключенные подлежали поголовному уничтожению.

Особенно велико было желание поднять восстание среди польских заключенных. Мы, коммунисты, были против стихийных действий, и нам удавалось своевременно предупреждать их, причем остальные заключенные и эсэсовцы ничего об этом не знали.

Тяга заключенных к восстанию особенно усилилась в последний год войны. В немалой степени этому способствовало ослабление охраны лагеря. Еще с 1943 года на фронт стали посылать молодых эсэсовцев. На их место прибывали охранники старших возрастов, а позднее — солдаты вермахта, справиться с которыми было легче. Конечно, группа Сопротивления разработала до деталей план восстания, и он был бы приведен в исполнение, если бы для этого назрел момент. Правильность нашей тактики подтвердили позднее события в концентрационных лагерях Дахау, Бухенвальд и Маутхаузен.

Близился к концу 1944 год. По поведению эсэсовцев, случайно подслушанным разговорам становилось все более очевидным: крах нацистского режима и тем самым наше освобождение не за горами. Теперь эсэсовские палачи часто нам говорили:

— Молите бога, чтобы мы выиграли эту войну. Иначе вам ее не пережить!

Нередко они горланили слова песни:

(Наслаждайся войной, ибо мир будет ужасным!)

Летом 1944 года заместителем коменданта нашего лагеря был назначен хауптштурмфюрер СС¹ Туман, прославившийся своей жестокостью еще в Люблинском концлагере. Мы понимали, что это назначение было не случайным. Теперь нам пришлось работать еще более осторожно.

Глава двадцатая

Наступило 7 ноября 1944 года. Утром, когда заключенные построились на перекличку, я невольно мысленно обратился к Востоку. Передо мной предстали руины городов и сел, беспримерный героизм

¹ Капитан войск СС.

рабочих, крестьян и интеллигенции Страны Советов, отмечавшей сегодня 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. И позднее, на работе, я вновь и вновь мысленно возвращался к этому празднику и с радостью думал: в будущем году я также буду отмечать его. Да, в будущем году! Мои товарищи по заключению, так же как и я, были твердо убеждены: гитлеровская банда, которая уже двенадцатый год держала за горло германский народ и заставила его принять участие в опустошительном нашествии на страны Европы, продержится лишь несколько недель. Залог тому — победы Красной Армии. И тогда мы опять станем свободными. Наступит мир, долгожданный мир...

Таковы были мои мысли в тот день, когда случилось то невероятное, чего мои товарищи и я никак не предвидели и что поразило нас, как гром среди ясного неба.

Я работал в слесарной мастерской завода «Дейче аусрюстунг-верке» в должности капо. Днем ко мне подошли два эсэсовца и приказали немедленно отправиться к коменданту лагеря. Трудно представить ужас, охвативший меня: явиться к палачу Туману было равнозначно смертному приговору. Что произошло? Неужели они пронюхали о нашей нелегальной работе? Может быть, нас предал какой-нибудь провокатор? Что теперь будет? Эти мысли не давали покоя, когда я шел между двумя эсэсовцами.

Конвоиры, видимо, заметили мою нервозность, так как один из них спросил со злорадной ухмылкой:

— Ну что, натворил дел?

Я постарался ответить как можно спокойнее:

— Что-то не припомню!

Тогда другой заорал:

— Врешь, свинья! У ворот уже стоит целая колонна таких, как ты!

Я промолчал, чтобы не дать повода избить меня.

Когда мы подошли к лагерю, я увидел около тридцати заключенных, стоявших вдоль забора на расстоянии трех метров друг от друга. Страх еще больше усилился, ибо большинство из них были мои товарищи — политические заключенные, находив-

шиеся в лагере уже много лет. Я встал в ряд и бросил осторожный взгляд на соседа. Но ни он, ни кто другой не знал, что все это могло означать.

Вскоре выкликнули первого, и он вошел в комендатуру. Минут через пять он вышел и был тотчас же отправлен под охраной в эсэсовский сектор лагеря.

Все это выглядело очень странно. Неужели эсэсовцы придумали какую-то новую пакость? Мои размышления были прерваны. Выкликнули мое имя. Сердце отчаянно забилося, готовое выскочить из груди. И вот я в комнате коменданта.

— Заключенный номер семнадцать пятьдесят пять, капо слесарей военного завода Зимон явился! Это был самый бодрый рапорт в моей жизни.

Комендант лагеря, сущий зверь, от которого зависела судьба каждого заключенного, посмотрел на меня в упор.

— Хм, срок порядочный, свыше десяти лет, не так ли?

Я молчал.

— Чувствуешь себя здоровым?

— Так точно, господин комендант!

— Это хорошо!

Туман сделал небольшую паузу и затем отбарабанил:

— Заключенный Зимон, я хочу дать тебе возможность снова выйти на свободу. Ты вел себя хорошо и в награду за это получишь возможность проявить себя, защищая фатерланд. В этот час, когда больше, чем когда бы то ни было, речь идет о том, быть или не быть, фюрер уполномочил меня зачислять в действующую армию достойных людей. Покажи себя достойным этой великой милости! Ты немедленно будешь освобожден. Сегодня тебе выдадут форму, включат в наши доблестные соединения и отправят транспортом. Итак, веди себя хорошо, Зимон! Можешь идти.

Четкий поворот кругом, несколько быстрых шагов, и я снова в строю. В голове все кружилось, в ушах стучало, как будто все орудия гамбургской противовоздушной обороны одновременно дали залп. Избиения, арест, даже смертная казнь — все это не застало бы меня врасплох, но это... Мы, враги госу-

дарства номер один, могильщики нацистского режима, мы, причислявшие себя к авангарду пролетариата, к самым верным друзьям Советского Союза, мы, с восторгом проводившие целые ночи у нелегальных радиоприемников, должны были с сегодняшнего дня носить форму солдат вермахта.

Однако времени для раздумий не оставалось. Нас быстро обмундировали, сфотографировали и выдали все необходимое для солдата, кроме оружия. Мы нашли время, чтобы проститься с остающимися товарищами. Затем в баре состоялся обед, какого мы не видели десятком лет. На нем присутствовало все начальство; в то время как мы опустошали тарелки, оно налегало на спиртное, и вскоре некоторые охранники сильно опьянели, в том числе и комендант. Движением руки он прервал громкую болтовню своих единомышленников и тяжело поднялся. Остекленевшие глаза смотрели на нас, терпеливо переносивших все, что происходило. Затем Туман произнес речь. Он часто запинаясь, нередко оговаривался и без конца вставлял слова «честь», «храбрость», «геройство», «фюрер». Под конец он упомянул о двух заключенных, которые накануне были повешены за попытку к бегству.

— Эти двое, по-видимому, не смогли обуздать свое желание вернуться домой,— сказал он, а затем добавил, что уход из части без разрешения будет караться смертью.

— Пусть для вас, ребята, это послужит предостережением!

В эту же ночь в сопровождении нескольких эсэсовских офицеров и солдат нас доставили на грузовиках к вокзалу в Бергедорфе.

Семьдесят один человек политических функционеров рабочего класса начали из лагеря Нойенгамме марш к смерти. Мы знали, что третий рейх рухнет, и понимали, что нацисты уготовили нам роль пушечного мяса. Эсэсовцы, однако, недооценивали нашей осведомленности относительно общей обстановки и стремились внушить, что мы направляемся на пополнение отборных частей. Они считали, что в любом случае наверняка сумеют отделаться от нас. Один из них даже сказал мне:

— Вы должны наконец остановить надвигающийся на нас русский вал.

— Ну конечно! — сказал я и подумал: «Это бы вас, конечно, устроило».

На следующее утро мы прибыли в Берлин на вокзал Цоо, где должны были пробыть несколько часов. Я написал Лизе открытку. Поймет ли она, что со мной происходит, думал я с беспокойством.

Через двое с половиной суток пути мы прибыли в Краков. Уже стемнело. Нас разместили в казарме — старом монастыре. Через несколько минут к нам пришли первые гости — бывшие заключенные концлагерей Заксенхаузена и Бухенвальда. Трудно себе представить радость этой встречи. Многие из нас плакали. Старые боевые товарищи, годами ничего не слышавшие друг о друге, снова встретились.

Этой ночью никто не сомкнул глаз. Мы договорились, что при первой же возможности перейдем на сторону Красной Армии или партизанских отрядов. Необходимо было выработать общую линию поведения: завтра нас снова могли разлучить.

Я вышел на улицу, чтобы немного подышать свежим воздухом. Со мной были еще несколько товарищей. Едва мы закрыли дверь, как услышали глухие раскаты орудий и увидели на горизонте отблески артиллерийских залпов. Это была наша спасительница — Красная Армия.

На третий день мы прибыли в маленький полуразрушенный городок Росценбург, где впервые столкнулись с ужасами войны. Кругом были видны горящие дома. Нам сообщили, что прошлой ночью партизаны взорвали железнодорожный мост. Здесь, в этом городе, должны были формироваться фронтовые подразделения. Я и мои товарищи были зачислены в шестую роту. Мы получили винтовки, однако без патронов. В течение трех дней нас обучали приемам борьбы с партизанами: гоняли в горы, заставляли окапываться, маскироваться — и, наконец, роздали каждому по три патрона и предложили сделать по одному выстрелу в макеты из положения лежа, с колена и стоя. Большинство из нас впервые в жизни держали в руках винтовки.

Утром мы шагали в неизвестном направлении.

Перед нами расстился запорошенный снегом хвойный лес. Было довольно холодно. Долголетнее пребывание в тюрьмах и концентрационных лагерях, естественно, ослабило наш организм. Уже через несколько часов наша рота растянулась на километр. Я был среди отстающих, так как натер ноги. Ко всему прочему вместе с походным снаряжением мы должны были тащить на себе и багаж. В такой обстановке никто не осмеливался даже выругаться, в особенности когда мы думали о составе нашей роты.

Что же это были за люди, среди которых мы находились? Помимо нас, бывших политических заключенных из различных концентрационных лагерей Германии, в состав роты входили и эсэсовцы-штрафники, которые должны были перед лицом врага восстановить свою «честь», а заодно наблюдать и за нами. Было ясно, что с такого рода «товарищами» не может быть солидарности и что мы, маленькая кучка классово сознательных рабочих, должны держаться сплоченно. Однако сделать это было трудно. Нас по любому поводу перемешивали со штрафниками. Окапывались ли в снегу, патрулировали ли — рядом всегда был эсэсовец.

Через две недели, миновав узкую и глубокую долину, мы достигли небольшого местечка, где нас дожидалась длинная колонна грузовиков. Нам тут же выдали большое количество консервов, ржаных лепешек и сигарет, а фляжки наполнили водкой. Затем последовал приказ: «По машинам!» И снова в путь. Но куда?

Четверо суток езды. Позади оставались села и города, которые кишели солдатами всех родов войск. Остановки были очень редкими, и каждый раз разрешалось выходить из машин лишь на короткое время. Бросалось в глаза то, что направление движения воинских соединений было противоположным нашему. Войска шли с фронта. Об этом можно было судить по большому количеству санитарных машин. Следовательно, нас направляли на фронт. Встречный поток не ослабевал, пока мы не прибыли к месту назначения: горящие дома, обуглившиеся трупы — мы находились в самом пекле.

После высадки из машин командир роты произнес краткую речь:

— Друзья, мы находимся на одном из участков фронта в Венгрии! Наша задача состоит в том, чтобы освободить одно из окруженных русскими войсками соединений! Час испытания настал, докажите вашу храбрость! Всякий, кто попытается бежать, будет немедленно расстрелян! Вперед, к победе! Да здравствует наш фюрер! Зиг хайль!

В ответ раздалось слабое «Хайль!»

Затем мы получили лопаты, противотанковые ружья, ручные гранаты, патроны, провиант и двинулись в путь. Дорога шла в гору. Когда рота достигла вершины, начало смеркаться. Одно подразделение уже окопалось, а нам отвели еще не занятый участок. Наступила ночь. Прошло немного времени, как вдруг внезапно на нас обрушился шквал огня: осколки свистели над головами. «Минометы», — сказали те, кто уже имел опыт. Это были кошмарные часы. Русские стреляли непрерывно. Мы мечтали лишь о том, чтобы наша часть как можно быстрее попала в окружение. Тогда пришла бы для нас долгожданная свобода.

Наконец забрезжило утро. Огненно-красное солнце поднялось позади гор и осветило поле битвы: всюду лежали трупы. Мы понесли немалые потери убитыми и ранеными. Трех преданных партии людей уже больше не было с нами: Рихарда Эрнста — члена земельного руководства КПГ Силезии, Карла Вандшнейдера — члена СДП, руководителя местной партийной группы в Макленбурге и Карла Вамзера — функционера Коммунистического союза молодежи. Я помог вырыть для них могилу.

Еще не один раз в тот и последующие дни наши позиции превращались в настоящий ад.

Было темно, когда наша рота вступила в маленькую венгерскую деревушку, наполовину разрушенную артиллерией. Повсюду тлели головешки. Среди развалин бегали обезумевшие коровы. Там и сям валялись трупы солдат. Мы накрыли их соломой, поскольку промерзшая земля стала твердой как камень. Командир приказал выставить охранные посты, и рота расположилась в уцелевших домиках.

Я, мой товарищ из Нойенгамме Вилли Гумперт и трое эсэсовцев разместились в одной избе. Немного отдохнув, мы занялись поисками еды. Один из нас заглянул в хлев, где мычали коровы, бросил им сена и подоил двух из них. Мы нашли яйца, муку и решили испечь яичный пирог. Вскоре в деревенской плите потрескивал веселый огонь. Мы стояли, смотрели на противень и ждали, когда будет готов пирог. Может быть, от запаха печеного пирога в комнате создался какой-то уют, который подействовал на настроение наших трех эсэсовских надзирателей, ибо они впервые посмотрели на меня и Вилли без обычного недоверия. Один из них, ефрейтор Пауль, спросил меня:

— Почему вы попали в концлагерь?

— Потому, что не верили в национал-социализм,— ответил Вилли.

— И как же вам там жилось? — любопытно спросил один из эсэсовцев, натиривший противень куском сала.

Я бросил на Вилли взгляд, предупреждавший его о необходимости быть осторожным. Он незаметно подмигнул мне и сказал:

— Об этом мы расскажем вам позже: это лучше для всех нас.

— Ну, теперь-то вы с нами? Вы ведь добровольно здесь?

Как хотелось откровенно высказаться перед этими парнями, но надо было соблюдать осторожность. Я попытался превратить все в шутку и сказал:

— Быть вместе с вами, ну да... А что вы собой представляете?

Эсэсовец Пауль перешел снова на свой обычный вызывающий тон.

— Вы же все коммунисты, имеющие на своей совести покушения, убийства и акты саботажа, не так ли? Вас теперь помиловали и послали к нам на испытание, это же ясно!

— Не совсем так, мой дорогой,— сказал Вилли.— Среди нас нет ни одного, кто бы совершил покушение, убийство или что-нибудь в этом роде! Мы только всегда...

Разговор был прерван взрывом. На нас посыпались камни, куски дерева и солома. Крышу дома сорвало. Один за другим мы выползли наружу. Никто не был ранен. Оправившись от испуга, мы выругались, так как от наших пирогов ничего не осталось. Поскольку была глубокая ночь, пришлось забраться в хлев, накрыться соломой и заснуть.

Утром нас разбудил треск выстрелов и взрывы гранат. Село вновь оказалось под обстрелом, но, с какой стороны, нельзя было понять. Позже к нам прибыл посыльный с приказом обороняться до тех пор, пока не последует нового распоряжения.

Рота целый день пролежала под шквальным огнем. Были смертельно ранены два наших товарища — Вилли Гломп из Циттау, просидевший в концлагере девять лет, и Генрих Мильднер из-под Хильдесхайма, боровшийся в Испании в батальоне имени Тельмана. Это было 24 декабря 1944 года.

Положение нашей роты с каждым часом становилось все более безнадежным. Постоянные огневые налеты, сильный холод, отсутствие продовольствия вконец подорвали наши силы. Мы еле передвигали ноги. В конце концов все же пришлось оставить село. Отступили на близлежащую высоту и начали готовиться к обороне.

Перед нами расстилалась заснеженная равнина с черными пятнами торчавших деревьев. Остаток дня прошел без происшествий. Примерно в двух километрах проходила линия фронта. Мы выкопали в глубоком снегу ямы и залегли в них. Время от времени на горизонте вспыхивали огненные молнии, после чего слышались отдаленные глухие орудийные раскаты. Повсюду фронт, подумал я, и обратился к лежавшему со мной в яме эсэсовцу:

— Что будет завтра? Мы же окружены. Есть ли еще смысл продолжать сопротивление?

— Не говори глупостей. Если мы действительно в мешке, нас выручат. Перед нами Иваны, их нужно уничтожить, понимаешь?

Это был старый, закоренелый фашист из Берлина. После ворчливого ответа он снова стал клевать носом. Возможно, я бы тоже задремал, если бы мысли о сдаче в плен не отгоняли сон. Еще днем я

сообщил некоторым верным товарищам, что до рассвета хочу быть на той стороне.

Уже рассветало, когда я растолкал приставленного ко мне эсэсовца.

— Слушай, мне надо вылезть, иначе кости промерзнут. Да и в животе бурчит, понимаешь?!

Он язвительно ответил:

— Беги не слишком далеко, если не хочешь, чтобы тебе вlepили пулю! И возись не долго, мне ведь тоже нужно!

Эсэсовец помог мне выбраться из ямы. Я неуклюже пробежал несколько шагов и остановился. Затем направился обратно. Я нарочно громко топал сапогами, затем остановился и прислушался. Все было спокойно. Медлить было нельзя. И тогда я побежал, побежал так быстро, как только может бежать человек по глубокому снегу.

Позади раздались выстрелы. Над головой засвистели пули. «Скорей, скорей!» — стучало в мозг.

— Остановись! — слышались крики.

Я упал. Сердце бешено колотилось. Беги! Беги! И я снова бросился вперед. Теперь казалось, что пули меня уже не достанут, и я закричал попеременно по-русски и по-немецки в сторону советской линии окопов:

— Товарищи красноармейцы! Не стреляйте! Я немецкий коммунист из концлагеря! Товарищи, не стреляйте!

И снова бросился вперед.

— Сюда, давай сюда, — донеслись до меня голоса.

Собрав последние силы, я сделал отчаянный рывок и свалился в окоп к советским, русским друзьям.

Это был прыжок, ознаменовавший новую, прекрасную (я был в этом уверен) полосу в моей жизни.

Глава двадцать первая

Меня сразу же окружили красноармейцы. Хотя они и не угрожали, но и не были настроены дружелюбно. С помощью немецких и русских слов, а также жестов мне удалось добиться, что меня поняли. Я сообщил, что на той стороне есть товарищи, которые

также хотят перебежать, и попросил отвести меня к офицеру. Через некоторое время меня принял майор. Он безукоризненно говорил по-немецки. Я рассказал о причинах перехода на сторону советских войск, а затем был отведен в тыл. Это произошло 26 декабря 1944 года.

Вечером следующего дня на советскую сторону перебежал мой товарищ — Фриц Ункетюм. Затем через два месяца я встретил в одном из лагерей для военнопленных, находившемся в Венгрии, еще трех друзей. Мы пятеро были единственными, кто остался в живых из узников концлагеря. Большая часть политических заключенных из концлагерей Нойенгамме, Бухенвальд, Заксенхаузен и Маутхаузен уже в преддверии свободы погибла в дьявольском котле войны.

В первые дни после перехода к русским я только и делал, что ел, пил, давал показания и спал. Затем познакомился с советским офицером по фамилии Шорцов. Ему было около 35 лет. До войны он учительствовал на Урале. То, что он отлично говорил по-немецки, было, конечно, не самой главной причиной нашего быстрого сближения. Иногда я часами сидел вместе с ним и рассказывал о пережитом мною в концлагере. Он в свою очередь рассказывал мне о жизни советских людей. Шорцов особенно любил сочинения Генриха Гейне и в своей полевой сумке постоянно носил томик его стихов. Во время бесед меня часто удивляло, как глубоко Шорцов знал историю германского рабочего движения. Я не переставал поражаться широкому, всестороннему, политическому образованию и других советских офицеров. Шорцов делал все, чтобы я как можно быстрее восстановил силы, и, хотя питание было вполне достаточным, он делился со мной офицерским пайком, а поскольку Шорцов не курил, я получал и его табак. Это был настоящий товарищ. Через несколько дней я включился в активную борьбу против гитлеровцев.

Задача, стоявшая перед немецкими коммунистами, заключалась в том, чтобы в этой последней фазе войны спасти как можно больше немецких солдат от верной гибели. Для этого мы проводили на

различных участках фронта пропагандистские мероприятия. Я неоднократно обращался через установленный на передней линии громкоговоритель к солдатам со следующими призывами:

— Немецкие солдаты! Товарищи! Прекратите бесполезную борьбу, вы окружены! Если вы сложите оружие, выкинете белый флаг или же перебежите на советскую сторону, вам будет сохранена жизнь. Командиры вас предали! Подумайте о матерях, женах и детях! Долой нацистскую войну! Да здравствует мир!

Кроме выступлений по радио немецкие военнопленные-коммунисты занимались составлением текста листовок, которые служили пропусками для перебежчиков. Мы с удовлетворением убеждались в том, что наша пропаганда, проводимая вместе с советскими товарищами, становилась все более действенной. Она разоблачала фашистские измышления, в том числе ложь о том, что немецких военнопленных расстреливают. Число перебежчиков возрастало.

Пропагандистской работой я занимался в течение ряда месяцев, вплоть до того дня в мае 1945 года, когда нацистская гидра была окончательно уничтожена. Война закончилась!

Радостное опьянение охватило нас, военнопленных. Мы встретили мир ликованием. Счастливыми и гордыми выглядели лица советских воинов — победителей и наших друзей. Подавленно смотрели те немцы, кто чувствовал за собой вину. Они спрашивали себя, что будет завтра?

Перед нами, антифашистами, встал вопрос: что же делать дальше? Надо было навести порядок в лагерях, вымести из голов наших соотечественников — военнопленных мусор, который накопился под влиянием нацистской пропаганды. Я часто рассказывал им, находившимся в состоянии тупого безразличия, о пережитом в концентрационном лагере, убедительно показывая, что мы, немецкие коммунисты, перенесли гораздо большие мучения, чем они, и все же не пали духом. Было необходимо открыть им глаза на всю чудовищность нацистской системы уничтожения с ее садистской техникой пыток. И следует сказать, что большинство этих людей не

настолько отупели, чтобы остаться равнодушными к тому, что я им говорил. Все чаще и чаще я становился свидетелем того, как задавленное в течение длительного времени человеческое достоинство проявлялось у отдельных военнопленных взрывом негодования и они требовали возмездия палачам.

Кроме немцев, которые внутренне оставались честными людьми и только из-за своей политической незрелости стали соучастниками нацистов, было немало и других. Имелись типы, которые настолько заостенели в своей тупости, что считали мои слова ложью. Для них я с помощью советских товарищей подобрал такой убедительный документальный материал, что они в конце концов капитулировали. Однако были и такие, которые знали, что я говорил правду, но все отрицали, так как хотели оправдать фашизм.

Немецким коммунистам-военнопленным удалось организовать во многих лагерях группы антифашистов, проводивших разъяснительную работу.

Когда мы прибыли в Брюнн, в лагерь военнопленных № 33, к нам присоединились многие товарищи, которые, как и мы, были раньше узниками концлагерей. Однако, ознакомившись с обстановкой в лагере, нам сразу бросилось в глаза, что здесь не искоренены прусский салдафонский дух и нацистские порядки. Более того, их кто-то усиленно насаждал. Лагерное руководство состояло исключительно из немцев-офицеров. Лагерная полиция была также укомплектована офицерами, причем бывшими штурмовиками. Было введено даже обязательное приветствие всех старших по званию. Господа офицеры имели денщиков.

Установив все это, мы не удивились тому двуличию, с которым нас встретили в этой среде. С одной стороны, преувеличенная вежливость: нас приветствовали, даже останавливались и становились во фронт. Была ли этому причиной наша новая форма? — спрашивали мы себя. Дело в том, что лишь недавно нам обменяли на советском складе изношенные вещи на новое, с иголки, немецкое обмундирование. С другой стороны, нас старались по возможности избегать или смотрели вслед не очень друже-

любно. И наконец, мы встретились с третьим вариантом — предупредительностью.

Вспоминается такой эпизод. Я и несколько товарищей стояли, поглощенные разговором, и не обратили внимания на подходивших к нам офицеров.

— Эй! — закричал один из них. — Вы что, не знаете лагерного распорядка? Мы вас сейчас научим!

Мы поняли, что это относится к нам, но продолжали разговаривать.

— Эй, молодчики, встать смирно! — раздался сзади тот же голос.

Мы посмотрели друг на друга, но продолжали стоять по-прежнему. Это была явная провокация.

Офицеры подошли ближе.

— Как вы смеете, болваны! — заорал на нас старший лейтенант.

Поскольку я был руководителем группы, товарищи дали возможность ответить мне. Я заставил себя улыбнуться и сказал нарочито небрежным тоном:

— Болваны? А кто вы такие?

Старший лейтенант, очевидно главарь этой шайки, побагровел и прорычал:

— Вы что, с ума сошли? В соответствии с лагерным распорядком вы должны приветствовать офицеров!

— А кто дал вам право устанавливать такой смехотворный распорядок? — спросил я с деланным хладнокровием.

Сначала господа лишились дара речи. Затем заговорили все сразу:

— Неслыханно!

— Какое свинство!

— Распущенность!

— Посадить этих молодчиков!

— Позвать лагерную полицию!

Вокруг нашей группы быстро образовалось плотное кольцо военнопленных, и, поскольку никто не знал, кто мы такие, на лицах большинства из них можно было прочесть нечто вроде сострадания. Старший лейтенант кричал:

— Эй, лагерная полиция! Лагерная полиция, сюда!

Мы не хотели, чтобы дело дошло до открытого столкновения. Я, улыбаясь, вынул из кармана удостоверение, выданное советской комендатурой, и сунул его под нос господам офицерам.

Эффект был ошеломляющим. Сначала на их лицах отразился испуг, а потом воплощенная вежливость. Старший лейтенант пробормотал:

— Но, господа, тогда... э, тогда, конечно, все в полном порядке!

— Нет, не в порядке! — воскликнул я. — Завтра же лагерь выберет новое руководство, понимаете, выберет! Тогда будет положен конец нацистской чертовщине, которая царила здесь до сегодняшнего дня!

Так оно и произошло. Общее собрание избрало новую администрацию. Мы сразу завоевали доверие многих тысяч бывших немецких солдат, значительная часть которых в дальнейшем оказывала нам поддержку.

После этого влияние Национального комитета «Свободная Германия» стало более ощутимым. Мы время от времени получали от Вальтера Ульбрихта и Эриха Вайнерта документы, в которых говорилось, каким должно быть лицо новой, свободолюбивой Германии. А когда затем проводили собрания, то всегда собирали большое количество слушателей.

Огромную помощь нам оказывали красноармейцы. Они снабжали нас всем, чем могли: книгами, музыкальными инструментами, фильмами, помогли построить клуб.

Я уверен, что бывшие военнопленные лагеря в Брюнне навсегда сохраняют в своей памяти самые лучшие воспоминания о советских друзьях.

Наступила осень. Мы все сильнее тосковали по родине, по своим близким и наконец обратились с просьбой к советским друзьям отправить нас в Германию. Они отнеслись к нашему желанию с пониманием. Мне и еще трем товарищам, с которыми я вместе работал с ноября 1944 года, разрешили вернуться домой. Со мной уехали: Отто Вейзерт из Штутгарта, переживший ужасы Аушвица; Людвиг Фишельбах из Мюнхена, бывший заключенный Маутхаузена; Фриц Унгетюм из Судетской области Чехословакии, бывший узник Нойенгамме.

Тяжело было расставаться с нашими друзьями-военнопленными. Мы оставляли людей, с которыми нас связывала на протяжении нескольких месяцев совместная жизнь и совместная работа.

Советские товарищи оказали нам особую честь, доставив на легковой машине в Хойерсверда. Гордо развевался на автомобиле красный флаг с серпом и молотом.

Глава двадцать вторая

3 сентября 1945 года после одиннадцатилетнего отсутствия я вернулся в Лейпциг. Вокруг были развалины. Пришлось мобилизовать все способности к ориентировке, чтобы найти улицу и дом, из которого меня когда-то уволокли гестаповцы. И когда наконец я встал перед ним и увидел следы бомбардировок — густую копоть, пробоины на фасаде, картон вместо стекол в окнах, то почувствовал слабость. Во время пути от Хойерсверда до Лейпцига у меня не было во рту ни крошки. Я присел на камень и мысленно обратился к тем горестным событиям, которые произошли одиннадцать лет назад. Те же улицы, те же дома, но люди, товарищи... Слишком многих уже не было в живых.

Дети, игравшие рядом, подошли ко мне; в их глазах светилось любопытство.

— Дядя, ты вернулся из плена?

— Да, дети, — ответил я со слабой улыбкой, — теперь я снова дома.

Затем встал, вошел в дом и стал торопливо подниматься по ступенькам. Только на третьем этаже остановился передохнуть. Отворилась дверь, и из нее выглянуло знакомое, но постаревшее лицо. Это была фрау Дорфман. Она меня узнала не сразу, затем ее глаза расширились, она провела рукой по лбу и воскликнула:

— Боже мой, господин Зимон! Вы ли это?

Я кивнул головой. Она сжала мои руки и пригласила войти в квартиру. Видя мое колебание, она сказала, что Лиза ушла на работу, а ключ от квар-

тиры оставила у нее. И вот впервые после долгих лет я снова вошел в обитаемую квартиру.

Немного позднее мы поднялись на четвертый этаж, где находилась моя квартира. Она была сильно повреждена пожаром, но уцелела. Фрау Дорфман рассказала мне, что моя жена выбросила во двор зажигательные бомбы, попавшие в квартиру через крышу. Однако кровати и кое-какая мебель все же сгорели. Затем я узнал от соседки, что Лиза здорова и работает на фабрике «Гизеке и Девриент».

— Но она всегда такая грустная,— сказала фрау Дорфман.— Ведь мы думали, что вас нет в живых.

Лиза... Последний раз мы виделись пять лет назад. Это было в тюрьме. Трагические события, прошедшие с тех пор, настолько затуманили мое представление о ней, что последние часы перед встречей с женой я провел в состоянии необычайного внутреннего возбуждения. Это была радость и вместе с тем какая-то тревога. Я попросил друзей, чтобы они подготовили Лизу к встрече со мной, но ничего не говорили о моем возвращении. И вот я сидел в своей квартире и ждал. Наконец послышался скрип открываемой двери. Мне пришлось уцепиться за стул, чтобы не побежать ей навстречу. Затем открылась дверь в комнату. Крик радости... После стольких тяжелых лет разлуки я наконец заключил жену в объятия.

Второй день моего возвращения принадлежал партии. Явка, приветствия, радость встречи и вместе с тем горестные воспоминания и скорбь: мне сообщили, что еще в апреле 1945 года многие мои товарищи были казнены, и среди них Георг Шварц и Артур Гофман.

На третий день по путевке партии я приступил к работе в комитете по оказанию помощи лицам, преследовавшимся при нацизме. Однако там пришлось поработать лишь несколько недель: товарищи Фриц Зельбман и Отто Шен отозвали меня в партийный аппарат окружного руководства КПГ. В это время в лейпцигском «Капитолии» состоялся первый массовый митинг под лозунгом «Я обвиняю!». На нем выступили товарищи Хеллригель, Вундерлих и я. Затем мне пришлось заняться организацией массо-

вой работы. В начале 1946 года я стал первым секретарем районного комитета Борна¹. В то время наша партия приступила к решению одной из важнейших исторических задач — объединению обеих рабочих партий². От такого объединения в значительной степени зависело построение миролюбивой, демократической, социалистической Германии. Это была трудная задача. Главная тяжесть по ее решению легла на плечи тех товарищей, которые обладали большим опытом политической борьбы и благодаря этому умели находить наиболее убедительные аргументы на многочисленных переговорах и совещаниях представителей КПГ и СДПГ. Мы зачастую сталкивались с тем, что некоторые товарищи, будь то коммунисты или социал-демократы, при всей их готовности участвовать в построении новой Германии, все же не извлекли необходимых уроков из прошлого и вследствие своей политической незрелости защищали сектантские взгляды. В экономической области перед нами стояла задача преодолеть голод и разоблачить вредный лозунг: «Сначала лучше питаться, а уж потом больше работать!»³

Кто теперь помнит о том времени, когда ничего нельзя было получить без карточек, кроме воды и воздуха! Кто сегодня вспоминает о бедственном положении страны, в которой процветал черный рынок, а жулики и спекулянты были единственными хорошо упитанными людьми! Иногда мы приходили в отчаяние, когда видели, как злостные спекулятивные махинации угрожали свести на нет все наши усилия по организации бесперебойного снабжения населения. Если бы рядом с нами не было советских друзей, всегда готовых оказать бескорыстную помощь, то, кто знает, смогли бы мы преодолеть трудности? И с какими только явлениями не приходи-

¹ Город и районный центр Лейпцигского округа.

² Речь идет об объединении коммунистической и социал-демократической партий, состоявшемся в апреле 1946 года. Объединенная партия стала называться «Социалистическая единая партия Германии».

³ В обстановке голода и разрухи этот лозунг усиленно распространялся фашистскими и другими реакционными элементами.

лось бороться! Ссорились из-за нескольких граммов соли, из-за спички. Вонючая сигарета марки «Шреберзеген» нередко была причиной драки. Имели место и другие «конфликты», над которыми теперь можно только смеяться.

Однако не все, с чем мы тогда сталкивались, вызывает сегодня смех. Ежедневно в газетах появлялись объявления: «Меняю пианино на два мешка картошки», «Меняю карманные часы на масло». И разговоры среди населения о том, что у некоторых крестьян хлеба забиты коврами, а сеновалы радиоприемниками, имели под собой реальную почву.

В это время были проведены земельная реформа и народный опрос о национализации предприятий нацистских и военных преступников. Уже в тот период было положено начало нашему социалистическому строительству, однако тогда мы об этом еще не говорили, а выбросили лозунг: «Хлеба и работы для всех!»

Коммунисты принялись за расчистку развалин, за восстановление разрушенных гигантов нашего района — заводов «Эспенхайн» и «Белен». Отсутствие современной техники приводило к тому, что подчас приходилось работать голыми руками. И повсюду во главе шла партия — она руководила и направляла, планировала и организовывала.

Наша молодая партия росла и крепла. Ее возглавляли товарищи, очень много сделавшие в борьбе с фашизмом. Вокруг них спланивались лучшие рабочие, замечательные люди, которые, несмотря на материальные лишения, решали одну задачу за другой и при этом не страшлись трудностей. А их было больше чем достаточно.

«ЛЮДИ... БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!»

Прошло более полутора десятков лет с тех пор, как началась эта восстановительная работа. Растет и крепнет Германская Демократическая Республика — первое немецкое рабоче-крестьянское государство, строящее социализм.

Подавляющее большинство граждан нашей республики поняли, что только социализм обеспечивает мир, благосостояние и счастье людей. И даже враги убедились в действенности лозунга, под которым проходил V съезд Социалистической единой партии Германии: «Социализм побеждает!»

Однако существование ГДР еще окончательно не устранило опасности того, что германская земля может стать очагом третьей мировой войны, ибо на западе нашего отечества под покровительством империалистов США снова укрепились поджигатели войны — германские монополисты и их коричневые приспешники. Им удалось в так называемой Федеративной Республике Германии создать клерикально-фашистский режим. Они снова бубнят населению избитые слова об «угрозе» со стороны большевиков и о необходимости «крестового похода» против Востока. Эти неисправимые паразиты и человеконенавистники, виновники гибели миллионов людей, слишком хорошо знают, что в экономической области они больше не в состоянии длительное время конкурировать со странами социалистического лагеря. Они понимают, что ложь о социализме, при помощи которой они до сих пор запугивали людей,

больше не действует. Они знают, что западногерманские рабочие гораздо активнее, чем раньше, включаются в борьбу за свои права и свободы. Они знают, что существованию капиталистов рано или поздно придет конец. Чтобы отдалить свою гибель, эти преступники призывают к реваншу, восстанавливают в чинах и должностях «имеющих военный опыт» нацистских офицеров, горланят о политике силы, вооружаются для нападения на Германскую Демократическую Республику и другие социалистические государства.

Чтобы добиться успеха в своей политике, мало отличающейся от политики ефрейтора из Браунау¹, они прибегают к террору против граждан ФРГ, который проводится по распоряжению бывших нацистских судей и осуществляется «старыми, испытанными» палачами.

Однако было бы ошибкой впасть в пессимизм или панику перед лицом этой опасности. Мировой социалистический лагерь является силой, которая в состоянии обуздать новоявленных поджигателей третьей мировой войны, дать им сокрушительный отпор.

«Люди... будьте бдительны!» Эти слова коммуниста-чеха Юлиуса Фучика должна твердо знать немецкая молодежь, которая не испытала кровавого режима «тысячелетней империи», просуществовавшей всего лишь двенадцать лет.

«Люди... будьте бдительны!», ибо история германского рабочего класса учит, что милитаризм и фашизм никогда не приносили людям счастья и благосостояния, а несли с собой войны, болезни и смерть. Но эта история также показывает, что тысячи рабочих, лучших сынов немецкого народа, боролись и жертвовали своей жизнью для победы социализма. Их пример должен придать немцам силы для борьбы против неофашизма и термоядерной войны, за мир и социализм.

¹ То есть Гитлера, родившегося в городке Браунау и служившего в австрийской армии в чине ефрейтора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	22
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Глава седьмая	36
Глава восьмая	39
Глава девятая	46
Глава десятая	50
Глава одиннадцатая	53
Глава двенадцатая	55
Глава тринадцатая	57
Глава четырнадцатая	60
Глава пятнадцатая	65
Глава шестнадцатая	69
Глава семнадцатая	77
Глава восемнадцатая	81
Глава девятнадцатая	85
Глава двадцатая	90
Глава двадцать первая	99
Глава двадцать вторая	105
«Люди... будьте бдительны!»	109

Зимон Фриц.

ПОД НЕЛЕГАЛЬНОЙ КЛИЧКОЙ М. Из пережитого
во времена фашизма. Сокр. пер. с нем. М., Полит-
издат. 1964.

111 с.

9(И)7

Редактор Г. Вербицкий

Художественный редактор Н. Симагин

Технический редактор А. Данилина

Сдано в набор 1 сентября 1964 г. Подписано в пе-
чать 9 октября 1964 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Физ. печ.

л. 3^{1/2}. Условн. печ. л. 5,74. Учетно-изд. л. 5,30.

Тираж 105 тыс. экз. Заказ № 2490. Цена 16 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1964 г., № 282.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата,
Москва, Краснопролетарская, 16.

16 коп.

